

Память 20 сентября (ст. стиль 07 сентября)

Память святых Апостолов Евода и Онисифора

Святой Евод, один из семидесяти Апостолов, был первым после святого Апостола Петра епископом в великой Антиохии и великим проповедником Слова Божия. О нем упоминает святой Игнатий Богоносец¹ в своем послании к Антиохийцам в таких словах: "Поминайте блаженного отца вашего Евода, который был поставлен вам от Апостолов первым пастырем; будьте истинными его сыновьями, а не прелюбодеями, чтобы отец не стыдился вас". Сей святой Евод написал о Пресвятой Деве, что она пятнадцати лет от рождения родила Спаса мира Христа. "Трех лет, – пишет он, – она введена была в храм Господень, где и пребывала одиннадцать лет; когда же исполнилось ей двенадцать лет, она была отдана священниками Иосифу, чтобы он охранял ее. У него она пробыла четыре месяца, когда получила от ангела радостное благовестие и в конце пятнадцатилетнего возраста родила свет миру – Христа". Кроме сего святой Евод оставил много других полезных сочинений, но все они погибли в те многобедственные времена, когда Церковь Божия подвергалась гонениям, и посему до нашего времени не дошли. В настоящее время известна лишь книга под названием "Светило", о которой, впрочем, есть упоминание только у древнего историка Никифора². О самом святом Еводе встречается известие в римских мучениколог³, где говорится, что он пролил свою кровь за Христа и скончался мученической смертью. Некоторые утверждают, что святой пострадал в Антиохии при императоре Веспасиане⁴. В то время, говорят они, в одном городе было произведено неким иудеянином, по имени Антиохом, большое волнение; изменив своей вере, он стал приносить жертвы идолам, причем многие иудеи были убиты за не поклонение идолам.

Тогда весьма многие иудеи приняли христианскую веру и епископам своим имели блаженного Евода, который, как начальник и пастырь их, был в скором времени умерщвлен⁵.

Святой Онисифор принадлежал также к лику семидесяти Апостолов. О нем Апостол Павел в послании к Тимофею говорит: **"Да даст Господь милость дому Онисифора за то, что он многократно покоил меня и не стыдился уз моих, но, быв в Риме, с великим тщанием искал меня и нашел. Да даст ему Господь обрести милость у Господа в оный день; а сколько он служил мне в Ефесе, ты лучше знаешь"** (2Тим.1:16-18). Сей Онисифор был епископом в Колофоне⁶ и пострадал за веру, приняв мученическую смерть. Об его мученичестве свидетельствуют мученические акты, в которых повествуется, что святой Онисифор после многих мучений был растерзан дикими лошадьми и вместе с Еводом водворился в сонме исповедников Божиих в небесных селениях.

¹ Сей святой Игнатий Богоносец, ученик Евангелиста Иоанна Богослова, с 68 года по Рождестве Христове был епископом Антиохийским, скончался мученической смертью в гонение императора Траяна в 107 году. Он написал сем догматических посланий к разным христианским церквам.

² Никифор Каллист.

³ Мучениколог, или мученические акты – это сборник древнейших известий о страданиях мучеников. Началом и первыми основаниями мученических актов являются известия о допросах, осуждении и казни мучеников

языческим начальством. Со времени гонения римского императора Деция Траяна (250 года по Р.Х.) стали вести в Риме и в других местностях формальные церковные акты о судьбе мучеников, но от них до нас дошли лишь незначительные отрывки.

⁴ Веспасиана – римский император, царствовал с 70-го по 79 год по Р.Х.

⁵ Блаженная кончина святого Евода последовала в 66 году по Р.Х.

⁶ Колофон – древний город Лидии, в северо-западной части Малой Азии. В недавнее время открыты развалины этого города.

⁷ Кириная – главный город области того же названия – находился в Ливии, на северном берегу Африки, на запад от Египта. Это был великолепнейший и богатейший город в северной Африке. В настоящее время от него остались одни развалины.

Память святого мученика Евпсихия

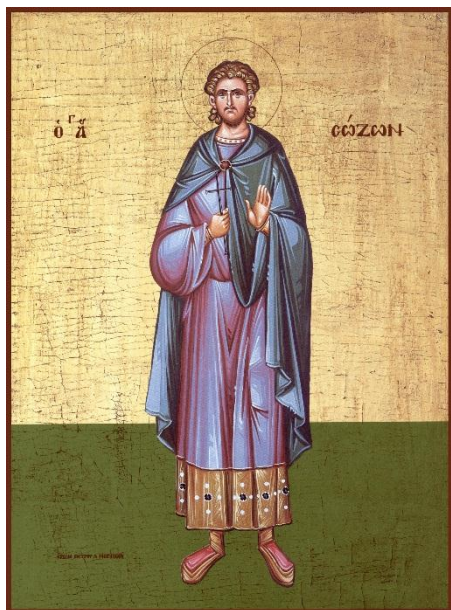
Святой Евпсихий родился и получил воспитание в Кесарии Каппадокийской. В царствование императора Адриана¹ на него был сделан донос, что он не чтит языческих богов, а почитает Христа. Вследствие доноса Евпсихий был взят правителем Каппадокии и подвергнут пыткам: тело его строгами железными когтями до тех пор, пока не обнажились ребра. После мучений святого Евпсихия еле живого бросили в темницу. Здесь он обратился к Господу с усердной молитвой, и во время сей молитвы явился ангел и прикосновением своим исцелил раны мученика.

Вскоре после сего святой Евпсихий был выпущен из темницы на свободу. Освобождение сие совершилось по произволению Божию для того, чтобы богатство, коим обладал Евпсихий, не доставалось людям нечестивым, но роздано было бы бедным. И действительно св. Евпсихий всё свое имение, собранное еще его прадедами, раздал нищим и убогим, причем некоторую часть отдал врагам своим, кои оклеветали его, и таким образом виновников своих страданий почтил дарами, как бы своих благодетелей.

Впоследствии, когда Кесарией правил князь Саприкий, святой Евпсихий снова был схвачен. Его повесили и долго строгами, после чего он принял мученическую кончину чрез усечение мечом. Рассказывают, что из язв его тела вместо крови истекли молоко и вода.

¹ Адриан – римский император, царствовал с 117 по 138 год по Р.Х. Он хотя и не воздвигал на христиан особого продолжительного гонения, однако при нем пострадало много мучеников христианских, и сам он имел склонность к суеверию и таинственным учениям языческим.

Страдание святого мученика Созонта

Максимиан¹, правитель Киликии, распространяя по повелению царскому, нечестивое идольское многобожие, пришел в город Помпеополь и, празднуя тамошнему золотому идолу, принес много жертв. Там находился в это время один юноша, родом из Ликаонии², по имени Созонт, по вере христианин, добрый нравом и исполненный благих дел, ибо в законе Господнем поучался он день и ночь. Он пас стада бессловесных овец, но в то же время наставлял и словесных овец Христовых на добрую пажить. Где бы ни был он с овцами, везде собирались к нему другие пастухи, юноши и мужи; а он учил их познанию Единого Бога, и многих привел к святому крещению, ибо была на нем благодать Духа Святого. Раз, пася овец при источнике, у которого стоял большой дуб, Созонт уснул сладким сном и увидел божественное видение, призывавшее его к подвигу мученическому и возвещавшее, что место то

принесет пользу многим, ибо освятится свыше сходящею благодатью, и многие найдут на нем спасение и прославят Святую Троицу. Встав от сна, этот добрый пастырь поручил овец другим и, оставив на том месте свой лук и три стрелы, для памяти себе, отправился в город Помпеополь. Там увидел он нечестие умножившимся, веру же святую попорченную, и восскорбел он о том сердцем своим. Войдя в капище, где стоял золотой идол, он отломал у него руку и, раздробив ее, раздал нищим. Отнятие от идола золотой руки вызвало великое смятение в городе, и многие были допрашиваемы и мучимы. Но святой Созонт, не желая, чтобы кто-либо другой пострадал за него, сам пришел к правителю Максимиану и объявил, что он виновник того дела. "Я взял руку бога вашего, – сказал он, – раздробил ее и раздал золото нуждающимся". Когда стали его допрашивать, как осмелился он так поступить и нанести бесчестие богу их, отняв и сокрушив руку его, он отвечал:

Я сделал это для того, чтобы видеть бессилие вашего бога. Ибо, когда я отнимал у него руку, он не оказал мне сопротивления, ничего не сказал, не обнаружил боли, не испустил стона. В самом деле, будучи немым и безумным, мог ли он сопротивляться? Если бы он был истинным Богом и живым, то противостоял бы мне и не позволил бы мне причинить себе зла. Я же, зная, что это – идол, а не бог, раздробил руку его, и даже всего его хотел раздробить, чтобы не поклонялись вы изделию рук человеческих, которое, хотя имеет и очи, и уши, и уста, и руки, и ноги, однако не видит, не слышит, не говорит, не осязает, не ходит, и ни в чем не может помочь себе, когда его бьют или раздробляют на части.

Правитель, услышав это, повелел мучить Созонта без милости. Сначала его повесили на дерево и стали строгать по ребрам железными когтями, потом обули его в железные сапоги с острыми внутри их гвоздями и водили по городу; святой, ходя в них, славил Бога. Потом снова повесили его на дереве и сильно били железными палками, так что не только тело, но и кости его были раздроблены. В этих мучениях святой предал дух свой Богу³. Увидав, что он уже умер, мучители, снявши тело его с дерева, развели, по повелению правителя, сильный огонь, чтобы сжечь тело, в опасении, чтобы оно не сделалось предметом почитания верующих. И когда это многострадальное тело ввергли в огонь, то внезапно заблестала молния, загремел гром и выпал обильный дождь с градом, так что огонь тотчас угас; бывшие же там люди от страха убежали и, и тело святого осталось целым. По наступлении ночи, верующие хотели взять святые мощи его и не могли, так как была великая тьма, и они сильно скобели о том. Но вот в полночь свет с неба осиял мощи, и верующие, взяв их, погребли с честью. От гроба мученика истекало много чудес, и не только от гроба, но и от источника, протекавшего под дубом, где святой некогда во время сна имел видение, подавались благодатью Христовою и молитвами святого мученика различные исцеления болящим. Поэтому впоследствии там была создана церковь во имя его, для прославления в ней Истинного Бога, в Троице Единого. Слава Господу во веки, аминь.

Кондак святого, глас 2:

Истинного и богомудрого мученика, страдальца благочестия искусного, сошедшего ныне, велегласно восхваляем Созонта таинника благодати, исцелений дателя богатейшего: молит бо Христа Бога о всех нас.

¹ В некоторых древних месяцесловах (имп. Василия и других) вместо "Максимиан" стоит "Максим". Полагают, что это был Нумерий Максим, состоявший правителем Киликии в 304 г.

² В месяцеслове имп. Василия место рождения мученика Созонта названо Ликийею, в Прологе, как и в Четьих-Минеях, Ликаонией; по актам мученическим это – Киликия, где был приморский город Помпеополь, в древности Солю.

³ По греческому синаксарю святогорца Никодима страдания и смерть св. мученика Созонта последовали в 288 году. По другим известиям, это происходило около 304 года.

Преподобный Лука Глубокореченский (Каппадокийский), игумен

Преподобный Лука был третьим святым игуменом (с 975 года) Спасовой обители, называвшейся "Глубокие реки" (близ Константинополя, в Кифском заливе). Первым святым игуменом был преподобный Василий (скончался в начале IX века, память его в Греческой Церкви 1 июля), второй святой игумен – преподобный Игнатий (ок. 963–975; память 27 сентября). Обитель славилась особо строгой подвижнической жизнью ее насельников. Скончался преподобный Лука в конце X века.

Житие святого отца нашего Иоанна, архиепископа Новгородского

Новый чудотворец российский, святой Иоанн родился в великом Новгороде. Родители его – Николай и Христина – были люди благочестивые. Посему как он, так и брат его – Гавриил, оба они были воспитаны в страхе Божиим. С малого возраста святой Иоанн посвятил себя Богу и вел добродетельную жизнь; когда же он достиг совершеннолетия, то был рукоположен в пресвитера к церкви священномученика Власия. Новопоставленный иерей с еще большим усердием стал служить Господу, неукоснительно и строго соблюдая все заповеди Божии. Между тем родители святого Иоанна умерли. И прежде он любил безмолвную тихую жизнь, даже намеревался принять иноческое пострижение; теперь же, посоветовавшись с братом своим Гавриилом, святой Иоанн решил создать новый монастырь на средства, оставленные родителями. Сначала они построили деревянную церковь во имя Пречистой Богоматери в память преславного Ее Благовещения и основали монастырь; затем замыслили они воздвигнуть и каменную церковь. С нетерпением начали братья приводить в исполнение свое благое намерение: стали со тщанием строить каменную церковь и уже довели ее до половины, но вынуждены были остановиться: средства их истощились; сильно опечалились этим блаженный Иоанн и брат его Гавриил, велико было огорчение их. И вот, находясь в таком затруднительном положении, но в то же

время питая твердую веру и великое усердие к Пречистой Богородице, они обратились с молитвою к сей скорой помощнице и утешительнице всех, находящихся в скорби:

– Владычице наша! – молились братья – Ты знаешь нашу веру и любовь к Сыну Твоему и Богу нашему; Ты видишь наше усердие, с коим мы обращаемся к Тебе, Госпоже нашей; молим Тебя, помоги нам достроить сей храм; всю надежду нашу мы возлагаем на Тебя, Богоматерь, не оставь нас рабов Твоих, Владычице, и не посрами нас: мы начали строить сей храм, но кончить его сооружение без Твоей помощи мы не можем.

Так молились они Богородице и изливали пред Ней свое горе. Их усердная просьба была услышана. Царица Небесная явилась им в сонном видении и сказала:

– Для чего вы, возлюбленные Мною рабы Божии, впадаете в такую печаль и предаетесь такому сетованию о том, что создание храма замедлилось; не оставлю Я моления вашего, ибо вижу вашу веру и любовь: в скором времени у вас будут средства, коих не только будет

довольно для сооружения храма, но даже останется излишек; только не оставляйте благого дела и не охлаждайте в вере.

Видение сие, коего удостоились оба брата, придало им силы и бодрости; восстав от сна, они исполнились великой радости. После утрени братья рассказали друг другу о том, что видели, и надежда их окрепла еще более. По Божию смотрению, они в тот же день ранним утром вышли из монастыря, и вдруг видят пред воротами монастырскими красивого коня, на котором была надета узда, обложенная золотом; тем же металлом было оковано и седло; конь стоял тихо и неподвижно, всадника же, коему бы мог он принадлежать, не было. Братья сильно дивились красоте и богатому убранству коня; долго ожидали они, не придет ли откуда хозяин его. Однако никто не появлялся, а конь неподвижно стоял на том же самом месте. Тогда они подошли к нему ближе и увидели, что по обеим сторонам седла висят два туго набитые мешка. Уразумев, что сие ниспослано им свыше, они сняли с коня мешки, и тотчас конь стал невидим. Братья развязали мешки и нашли в одном до самого верха золото, другой же был наполнен серебром. Удивившись такому попечению о них Божию и Пресвятой Владычицы, они стали воссылать горячие благодарственные молитвы. Скоро, с Божиею помощью, окончили они церковь и благолепно ее украсили; затем купили они много сел, для содержания монастыря, и, несмотря на то, у них осталось еще немало денег, которые они и отдали игумену и братии. В сем монастыре и сами они приняли иноческое пострижение, причем Иоанн был наречен Илиею, а Гавриил – Григорием; богоугодно проходила жизнь их в посте и молитвах, исполненная различных иноческих трудов и подвигов.

Когда скончался святой архиепископ Новгородский Аркадий, блаженный Илия был вытребован из монастыря и, против воли, возведен на архиепископский престол. Считая себя недостойным такого сана, Илия отрекался от него, но руководимые Самим Богом князь с мирскими и духовными начальниками и все граждане Новгородские единогласно избрали Илию на архипастырство: ибо он был угоден Богу и людям. Усердными мольбами и просьбами все убеждали смиренного инока вступить на престол архиепископский, все требовали сего. Наконец, против своего желания, он повиновался воле граждан и рукоположен был в архиепископа Новгородского святейшим Иоанном, Киевским и всея России митрополитом. Он верно пас стадо Христовых овец, живя в святости и праведности¹. ВО время его архиепископства князь Суздальский Роман вместе со многими другими князьями земли русской, в числе семидесяти двух, восстали против великого Новгорода, задумав разорить его, а своих единокровных и единовѣрных братьев пленить и предать смерти. С большим войском они пришли к городу и, расположившись вокруг, в течение трех дней сильно теснили его. Граждане увидев большое число осаждавших, упали духом; силы их истощались, сильно скорбели и смущались они, ни откуда не ожидали помощи, – только у Бога просили милости и надеялись на молитвы своего святого архиерея. Последний же, как истинно добрый пастырь, видя приблизившихся волков, готовых расхитить его стадо, стал на страже, неусыпающим оком взирая к Богу и святыми молитвами своими, как стенами, защищая город. Когда в третью ночь он, по своему обычаю, стоял на молитве перед иконою Господа Иисуса Христа и со слезами просил Владыку об избавлении города, то услышал голос, говорящий ему:

– Иди в церковь Господа Иисуса Христа, что на Ильинской улице, возьми образ Пречистой Богородицы и вынеси его на городские стены против врагов; тотчас тогда увидишь спасение городу.

Услышав сии слова, Илия исполнился неизреченной радости и провел всю ту ночь без сна; утром же он созвал всех и рассказал о случившемся. Слыша то, люди прославляли Бога и Пречистую Его Богоматерь и, как бы получив некоторую помощь, воспрянули духом; архиепископ же послал своего протодиакона с клиром, приказав им принести к себе честную ту икону, а сам с освященным собором начал совершать молебное пение в великой церкви во имя Софии – Божией Премудрости. Посланные, дойдя до церкви Спасовой, где находилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы, сперва, по обычаю, поклонились ей,

потом хотели взять образ, но не смогли даже и с места сдвинуть его; сколько раз они ни пытались поднять икону, всё-таки это им не удавалось. Тогда они возвратились к архиепископу и поведали ему о том чудном явлении. Взяв всех с собою, архиепископ отправился в Спасову церковь; придя туда, он пал на колени пред иконою Владычицы и молился так:

– О премилостивая Госпоже, Дево Богородице, Ты – упование, надежда и заступница нашему городу, Ты – стена, покров и прибежище всех христиан, посему и мы грешные надеемся на Тебя; молись, Госпоже, Сыну Твоему и Богу нашему за город наш, не предай нас в руки врагов за грехи наши, но услыши плач и воздыхание людей Твоих, пощади нас, как некогда пощадил ниневитян Сын твой за их покаяние, яви и на нас свою милость, Владычице.

Окончив свою молитву, святитель начал молебен, – и когда клирики воспели кондак "Предстательство христиан непостыдное", внезапно честная икона Пречистой Богородицы двинулась сама собою. Весь народ, видя такое поразительное чудо, единогласно воскликнул: "Господи, помилуй!" А святейший архиепископ, взяв в руки честную икону и, благоговейно облобызав ее, отправился с народом, совершая молебное пение, поднял икону на городскую стену и поставил ее против врагов. В то время неприятели стали всё сильнее теснить город, выпуская на него тучу стрел. И вот, Пресвятая Богородица отвратила лик свой от неприятелей и простерла взоры на город, что было явным знаком великого милосердия Владычицы, являемого людям, бедствующим в осаде. Архиепископ, взглянув на святую икону, увидел на очах Богоматери слезы; взяв свою фелонь, он стал собирать в нее каплющие с иконы слезы, возгласив:

– О, преславное чудо – от дерева сухого истекают слезы! Сим Ты, Царице, даешь нам знамение, что со слезами молишься Сыну Твоему и Богу нашему об избавлении города.

И весь народ, видя Пресвятую Богородицу, проливающую слезы, возопил к Богу с рыданием и сердечным умилением. Внезапно на неприятелей напал страх, тьма покрыла их, гнев Божий привел их в смятение, и они начали убивать друг друга. Заметив смятение врагов, жители Новгорода отворили городские ворота и с оружием в руках своих устремились на противников; одних из них они посекали мечами, других живыми взяли в плен, и так, с помощью Пресвятой Богородицы, победили все полки вражеские. С этого времени святитель Божий Илия установил в великом Новгороде торжественный праздник предивного Знамения Пресвятой Богородицы и назвал день тот днем избавления и днем наказания, ибо, по молитвам Пресвятой Богородицы, Бог послал избавление гражданам и наказание тем, которые дерзновенно восстали на своих единоплеменных и единоверных братьев и произвели междоусобную брань. С того времени великий Новгород, управляемый своим добрым пастырем, пользовался полным миром и глубокой тишиной. Занимая в течение нескольких лет архиепископский престол, блаженный Илия, в ревностной заботе о большем прославлении святого имени Божия, построил прекрасные церкви; число всех воздвигнутых им храмов простиралось до семи.

Первая церковь, которую он создал еще до своего пострижения в иноки, была в честь Благовещения Пресвятой Богородицы; вторая, в память Богоявления Господня, была построена уже во время его святительства; третья – во имя святого пророка Илии, четвертая – преподобного Феодора, игумена Студийского; пятая – святых трех отроков: Анании, Азарии, Мисаила и святого пророка Даниила; шестая – святого праведного Лазаря четверодневного; седьмая была посвящена святому чудотворцу Николаю.

Воздвигая церкви, Илия прославился и своей благочестивою жизнью: он был весьма милостив ко всем, отличался необычайной кротостью и нелицемерной любовью; был он как бы солнцем в Церкви Христовой, разливая свет добрыми своими делами, прогоняя мрак злодеяния и сокрушая главу князя тьмы – диавола, который всегда питает вражду и завидует спасению человеков; имел также святой Илия такую власть над нечистыми духами, что своим словом мог связывать их, о чем свидетельствует следующая дивная повесть.

Однажды святитель, по своему обыкновению, в полночь стоял в своей келлии на молитве. Бес, желая устроить святого, вошел в рукомойник, который висел в его келлии и, возмущая воду, стал производить шум. Святитель, поняв, что сие – дело диавола, подошел к сосуду и осенил его крестным знамением, и так запрещением своим связал беса в умывальнике, что тот томился там долгое время, не будучи в состоянии выйти оттуда; наконец, не вынося более муки, так как сила крестного знамения палила его, бес начал вопить человеческим голосом.

– О горе мне! сила креста жжет меня, не могу более терпеть я такого страдания, отпусти меня скорее, святой угодник Божий.

Илия же спросил:

– Кто ты и как вошел сюда?

Диавол отвечал:

– Я лукавый бес и пришел смутить тебя, ибо я думал, что ты, как человек, устроишься и перестанешь молиться; но ты заключил меня в этом сосуде, и теперь я сильно мучаюсь. Горе мне, что я прельстился и вошел сюда. Пусти меня, раб Божий; отныне никогда не буду я приходить сюда.

Так бес вопил долгое время.

Наконец святитель сказал:

– За твою бесстыдную дерзость повелеваю тебе сею ночью отнести меня в Иерусалим и поставить у храма, где находится Гроб Господень; из Иерусалима тотчас же ты должен обратно перенести меня сюда в мою келлию в ту же самую ночь, и тогда я отпущу тебя. Бес всячески обещался исполнить волю святого, лишь бы только блаженный выпустил его из сосуда. Святитель выпустил его со словами:

– Превратись в оседланного коня и стань перед келлиею моею.

Подобно тьме вышел бес из сосуда и обратился, по повелению святителя, в коня. Блаженный Илия, выйдя из келлии, сел на беса, и в ту же ночь очутился в святом городе Иерусалиме, близ храма святого Воскресения, где находился Гроб Господень. Здесь угодник Божий запретил бесу отходить от того места; и бес стоял, словно прикованный, не имея силы сдвинуться с места, до тех пор, пока Илия не совершил поклонения Гробу Господню и честному древу святого Креста. Подойдя к храму, святитель преклонил колена пред дверями и стал молиться; вдруг запертые двери отверзлись сами собою, а у Гроба Господня зажглись свечи и лампы. Архиепископ, вознося Богу благодарственные молитвы и проливая слезы, поклонился Гробу Господню и благоговейно облобызал его; также поклонился он и животворящему древу, всем святым иконам и местам. Исполнив свое желание, он вышел из храма и снова двери церковные затворились сами собой; бес же стоял на том месте, где ему было повелено, в виде оседланной лошади; сев на него, Иоанн опять в ту же ночь прибыл в великий Новгород и очутился в своей келлии. Уходя от святителя, бес умолял его не говорить никому, как он служил ему, как был связан клятвой, как повиновался он, словно пленник.

– Если же ты расскажешь кому-либо, – прибавил нечистый дух, – как ты ездил на мне, то не перестану я строить против тебя козни и наведу на тебя сильное искушение.

Так грозил бес, а святитель осенил себя крестным знамением, и тотчас исчез от него бес, словно дым.

В одно время святой Иоанн вел духовную беседу с честными мужами: с игуменами, священниками и благочестивыми гражданами; он рассказывал жития святых, говорил много о душеполезных подвигах и, между прочим, сообщил и то, что с ним было, – а именно о своей поездке в Иерусалим; рассказывая же, он не называл самого себя, а как будто говорил о ком-либо другом.

– Я, – сказал он, – знаю такого человека, который в одну ночь из Новгорода достиг до Иерусалима; поклонившись Гробу Господню и животворящему древу Креста Господня, он снова в ту же самую ночь вернулся в великий Новгород; во время своего путешествия он ездил на бесе, которого связал своим запрещением, сделав его как бы пленником своим.

Слушатели сильно удивлялись сему рассказу святого, а диавол скрежетал зубами своими на архиепископа, говоря:

– Так как ты рассказал тайну, то наведу на тебя такое искушение, что будешь ты осужден всеми своими гражданами, как блудник.

И с того времени бес, Божиим попущением, начал действительно строить свои коварные козни святителю, стараясь лишить его доброго имени. Он показывал людям, которые во множестве приходили к Иоанну просить благословения, в келлии святого разные видения: то женскую обувь, то ожерелья, то какие-либо женские одежды. Приходящие к архиепископу люди, видя сие, соблазнялись, и стали думать о святом, не держит ли он блудницу в своей келлии; сильно смущались они тем и, толкуя между собою о виденном, говорили друг с другом:

– Человеку-блуднику недостойно занимать апостольский престол.

Когда однажды народ собрался и пошел к келлии святого, бес превратился в девицу, которая побежала перед народом, как бы удаляясь из келлии блаженного. Видевшие сие закричали и погнались было за девице, чтобы схватить ее, но бес убежал за келлию святого и стал невидим. Услышав народный крик и шум, святитель вышел из келлии и спросил собравшихся:

– Что такое случилось, дети мои? о чем вы шумите?

Они закричали на него, стали бранить и укорять его, как блудника, схватили его, стали насмехаться над ним и, не зная, как далее поступить с ним, они стали толковать между собой:

– Отвезем его на реку и посадим на плот, чтобы он выплыл из города по реке.

Посоветовавшись, они повели святого и целомудренного архиерея Божия к большому мосту на реке Волхове и посадили святителя на плот. Так сбылось слово лукавого диавола, который, хвалясь, говорил:

– Наведу на тебя такое искушение, что осужден будешь всеми, как блудник.

Теперь, видя такое поругание святого, сильно радовался лукавый враг рода человеческого, но, по Божию промыслению, невинность праведного победила и посрамила коварного врага; ибо когда святого посадили на плот, последний поплыл не вниз по течению, но вверх, против течения, несмотря на то, что у большого моста течение воды было очень сильное, и никто не влек плот, но сам он плыл по воле Божией и направлялся к монастырю святого Георгия, который находился на расстоянии трех поприщ от города. Видя такое чудо, люди ужаснулись; позабыв о злобе, они разрывали свои одежды и с плачем говорили:

– Согрешили мы и несправедное дело сотворили, ибо мы, овцы, осудили невинно тебя, нашего пастыря.

Идя по берегу, они молили святителя, чтобы он простил их прегрешения и возвратился на свой престол.

– Прости нам, отец, – кричали они, – в неведении мы согрешили против тебя, не помяни злобы нашей и не оставляй чад своих.

Также и весь клир, забегая вперед и земно кланяясь блаженному, с рыданием умолял его возвратиться на свой престол. Архиепископ же, как первомученик Стефан, молился за обидевших его, говоря:

– Господи, не вмени им сего во грех!

Пристав к берегу за пол поприща² от вышеупомянутого монастыря, он спустился с плота и вышел на берег. Народ же, припадая к нему с плачем, просил прощения, и было великое ликование, когда святитель даровал им прощение; еще сильнее радовались они тому, что Господь открыл неповинное и чистое его житие. Незлобивый пастырь, всем даровав прощение, рассказал, как он побывал в Иерусалиме, как ездил на бесу, и как диавол старался утратить его. Все, слыша сие, прославляли Бога.

Итак святитель возвратился на престол свой с великою честью и славою и стал поучать людей:

– Чада, с осмотрительностью делайте всякое дело, чтобы диавол не прельстил вас, чтобы добродетель ваше не была омрачена злым делом и не прогневать бы вам Владыку Господа.

После всего описанного, святитель жил недолгое время. Узнав о приближении своей кончины, он отложил свой архиерейский омофор и принял схиму, причем дано было ему имя Иоанна, которое он носил до своего пострижения в иноки. В сем ангельском образе он с миром преставился ко Господу³. Тело его было погребено в храме Софии – Премудрости Божией⁴. После него на престол архипастырский был возведен родной его брат Григорий, который также верно пас словесное стадо.

Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков! Аминь.

Тропарь, глас 8:

Днесь светло красуется славнейший великий Новград, имея мощы твоя в себе, святителю Иоанне, яко солнечныя лучы испущающия и подающия исцеления притекающим с верою к раце мощей твоих. Молися Христу Богу избавити град сей невредимь от варварского пленения, и междоусобныя брани, и огненного запаления, святителю богомудре и чудоносче, небесный человеке и земный ангеле: да сошедшееся любовию в память твою, светло празднуем в песнях и пениях радующеся, и Христа славяще, тебе таковую благодать даровавшего исцелений, и великому Новуграду заступление и утверждение.

Кондак, глас 4:

Возвеселися явленно честная церковь Христова, в память днесь принословащаго святителя Иоанна, от великаго Новаграда возсиявшаго, и всю страну удивившаго преславными чудодееями, и всеми добродетельми украсившагося: и по преставлении бо честное тело его обретесе нетленно, источающее велия чудеса. Темже зовем ему: о всеблаженне, моли Христа Бога непрестанно о всех нас.

¹ Есть известие, что Иоанн принимал участие в одном из соборов, где он "великие исправления показал".

² Иначе на 345 сажени, или на 2/3 версты с небольшим.

³ 7 сентября 1186 г.

⁴ В 1439 году, во время архиепископства Евфимия, обретыны были мощи св. Иоанна. С течением времени граждане позабыли о святом архиепископе, не знали даже и гробницы его. В этом же году небольшой камень в притворе Софийского храма оторвался с своего места и упал на гробницу преподобного, так что большая каменная надгробная плита разбилась. Это показалось удивительным; потому сняли разбившуюся плиту и под нею обрели нетленные мощи сего угодника Божия; но никто не знал, как зовут сего подвижника. Тогда Иоанн сам явился во сне архиепископу Евфимию и назвал себя. С того времени и началось местное почитание святого Иоанна; общее же празднование памяти сего подвижника было установлено митрополитом Макарием в 1547 г.

Преподобный Александр Пересвет, воин, схимонах

Дни памяти

19 июля - Собор Радонежских святых

6 сентября (переходящая) - Собор Московских святых

20 сентября

5 октября - Собор Тульских святых

Прп. Александр Пересвет – брянский боярин, монах-воин, ученик прп. Сергия Радонежского. В 1380 году по благословению св. Сергия вместе с иноком Андреем Ослябей присоединился к войску св. Дмитрия Донского для участия в Куликовской битве. Перед сражением принял вызов татарского богатыря Челубея и пал в поединке, поразив противника. Его подвиг воодушевил русское войско и стал духовным залогом победы. Погребён в московском храме Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове.

Александр Радонежский, в миру Пересвет, был брянским боярином, опытным ратником. Он принял монашеский постриг с именем Александр.

18 августа 1380 года благоверный князь Московский Димитрий испросил у преподобного Сергия Радонежского благословение на Куликовскую битву и просил также дать ему в подкрепление двух воинов – братьев Александра-Пересвета и Андрея-Ослябю. Призвание монахов-бойцов имело в первую очередь духовное значение. Преподобный Сергей дал им "вместо тленного оружия нетленное – крест Христов, нашитый на схимах, и велел вместо золоченых шлемов возложить на себя". Передав воинов-схимников в распоряжение князя, преподобный Сергей сказал им: "Мир вам, братья мои, крепко сражайтесь с погаными татарами, как добрые воины, за веру Христову и за все православное христианство".

По дороге на битву Александр-Пересвет остановился в келье отшельника, жившего на месте будущего Димитриевского монастыря. Облачившись в воинские доспехи, монах-богатырь отдал отшельнику свой дорожный посох, сделанный из цельного яблоневого дерева. С тех пор посох сделался местной реликвией.

В день Рождества Пресвятой Богородицы перед началом Куликовской битвы Александр Пересвет принял вызов богатыря из войска Мама и вступил с ним в единоборство. Воины ударились копьями, оба упали с коней и скончались. Ничейный исход поединка явил духовную силу благословения преподобного Сергия, воодушевил русские войска и стал залогом их исторической победы.

Тело преподобного Александра-Пересвета было погребено близ церкви в честь Рождества Богородицы "на старом Симонове". Здесь же положили тело преподобного Андрея-Осляби.

Подвиг святого Александра-Пересвета стали сразу прославлять в повествованиях о Куликовской битве – древнейший известный рассказ "О побоище, иже на Дону", а также летописная "Повесть о Куликовской битве" сообщают о его гибели на Куликовом поле. Также о ней повествует и наиболее полный рассказ о схимниках-воинах Александре и Андрее, изложенный в "Сказании о Мамаевом побоище". Его имя вошло в летописные списки убиенных на Куликовом поле и в синодики.

Время местной канонизации преподобных Александра и Андрея неизвестно. В XVII веке их имена были внесены в святцы. В Месяцеслове Симона (Азарьина) середины 1650-х годов сказано: "Преподобнии старцы Александр и Родион, нарицаемии Пересвет и Ослябя, иж на Мамаеве побоищи убиени быша". В конце того же века их имена как преподобномучеников Московских были включены в "Описание о российских святых". В 1896 году их имена были помещены также в "Троицком патерике" (в числе "учеников и сподвижников прп. Сергия, в месяцесловах не означенных").

Со временем над останками преподобных Александра и Андрея были устроены надгробия, оказавшиеся в "палатке каменной под колокольней". После разборки колокольни надгробия были уничтожены, в 1794 году вновь сооружены и в XIX веке обустроены приделом.

Хранившийся в алтаре собора Скопинского Димитриевского монастыря посох святого был в XIX веке урезан, а в XX веке изъят и передан исторической экспозиции Рязанского государственного историко-художественного музея-заповедника. Нателный крест Пересвета долгое время находился в собрании князя Олсуфьева.

В 1928 году Богородице-Рождественский храм был закрыт и оказался на территории завода «Динамо». Надгробия были вновь уничтожены и снова восстановлены только после возрождения храма в 1989 году по инициативе известного художника П.Д. Корина. Сейчас в храме устроена сень над двумя надгробиями, но сами останки во время восстановительных работ не нашли, так как это место было на много метров забетонировано. В 2006 году храму был передан посох Пересвета из Рязанского историко-архитектурного музея.

В 1981 году имена святых монахов-воинов были включены в состав Собора Радонежских святых. Их память было определено отмечать накануне праздника Рождества Богородицы (дня Куликовской битвы) – 7 сентября. В 2000 году в честь святого был назван город.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-aleksandr-peresvet>

Преподобный Андрей Ослябя, воин, схимонах

Дни памяти

19 июля - Собор Радонежских святых

6 сентября (переходящая) - Собор Московских святых

20 сентября

5 октября - Собор Тульских святых

Прп. Андрей Ослябя – любутский боярин, монах-воин, сподвижник прп. Сергия Радонежского. В 1380 году по благословению св. Сергия вместе с прп. Александром Пересветом присоединился к войску св. Дмитрия Донского для участия в Куликовской битве. Согласно одной версии, погиб в сражении; согласно другой – выжил и позднее служил митрополитам Киприану и Фотию. Погребён рядом со св. Пересветом в храме Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове (Москва).

Андрей Радонежский, в миру Ослябя, был любутским боярином, опытным ратником. Он принял монашеский постриг с именем Андрей.

18 августа 1380 года благоверный князь Московский Димитрий испросил у преподобного Сергия Радонежского благословение на Куликовскую битву и просил также дать ему в подкрепление двух воинов – братьев Александра-Пересвета и Андрея-Ослябю. Призвание монахов-бойцов имело в первую очередь духовное значение. Преподобный Сергий дал им "вместо тленного оружия нетленное – крест Христов, нашитый на схимах, и велел вместо золоченых шлемов возложить на себя". Передав воинов-схимников в распоряжение князя, преподобный Сергий сказал им: "Мир вам, братья мои, крепко сражайтесь с погаными татарами, как добрые воины, за веру Христову и за все православное христианство".

Воин-схимник Андрей принял участие в исторической битве в день Рождества Пресвятой Богородицы. Возможно, что он пал в бою.

Однако по другой версии, он остался в живых и служил Всероссийским митрополитам. В документах 1390–1393 годов встречаются упоминания "чернеца Андрея Осляби" в числе бояр митрополита всея Руси святителя Киприана, "чернец Родион Ослябя" назван в числе послов от великого князя в Царьград в 1398 году, а его сын Акинф – в числе бояр у святителя Киевского Фотия в 1425 году. Эти упоминания могут относиться к нему, а могут указывать на его родственников, традиционно несших службу у митрополитов.

Тело преподобного Андрея-Осляби было погребено близ церкви в честь Рождества Богородицы "на старом Симонове", рядом с телом преподобного Александра-Пересвета.

Если подвиг Пересвета сразу стали прославлять в повествованиях о Куликовской битве, древнейшие известные рассказы о ней умалчивают об Ослябе. Его имя не вошло и в большинство летописных списков убиенных на Куликовом поле, не находится оно и в синодиках павших. Лишь "Задонщина", изображающая иноков-воинов как былинных богатырей, говорит о смерти в битве не только Александра-Пересвета, но и Андрея-Осляби, а также его сына Иакова. О смерти в битве Пересвета и Осляби также говорит "Повесть о Мамаевом побоище".

Время местной канонизации преподобных Александра и Андрея неизвестно. В XVII веке их имена были внесены в святцы. В месяцеслове Симона (Азарьина) середины 1650-х годов сказано: "Преподобнии старцы Александр и Родион, нарицаемии Пересвет и Ослябя, иже на Мамаеве побоищи убиени быша". В конце того же века их имена как преподобномучеников Московских были включены в "Описание о российских святых". В 1896 году их имена были помещены также в "Троицком патерике" (в числе "учеников и сподвижников прп. Сергия, в месяцесловах не означенных").

Со временем над останками преподобных Александра и Андрея были устроены надгробия, оказавшиеся в "палатке каменной под колокольной". После разборки колокольной надгробия были уничтожены, в 1794 году вновь сооружены и в XIX веке обустроены приделом.

В 1928 году Богородице-Рождественский храм был закрыт и оказался на территории завода «Динамо». Надгробия были вновь уничтожены и снова восстановлены только после возрождения храма в 1989 году по инициативе известного художника П.Д. Корина. Сейчас в храме устроена сень над двумя надгробиями, но сами останки во время восстановительных работ не нашли, так как это место было на много метров забетонировано.

В 1981 году имена святых монахов-воинов были включены в состав Собора Радонежских святых. Их память было определено отмечать накануне праздника Рождества Богородицы (дня Куликовской битвы) – 7 сентября.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-andrej-osljabja>

Серапион Спасо-Елеазарский, преподобный

Дни памяти

28 мая

21 июня (переходящая) - Собор Псковских святых

20 сентября

1 декабря - Собор святых Эстонской земли

Прп. Евфросин (1386–1481) – основатель Спасо-Елеазаровского монастыря, автор уникального скитского устава, подчёркивавшего равенство братии. Прославился крайним аскетизмом, отказался от игуменства. Прп. Серапион (ум. 1480) – верный ученик прп. Евфросина, 55 лет соблюдавший обет безмолвия. Родом из Юрьева, защищал православие

в Прибалтике. Оба подвижника почивают в основанной ими обители, где их мощи прославились чудесами.

Преподобный Серапион родился в 90-х годах XIV века в семье благочестивых родителей. Родиной его был город Юрьев, или Дерпт, который в то время находился во власти немцев.

Тяжело жилось немногочисленным православным русским в Юрьеве среди иноверного немецкого населения. Русские люди населяли особую часть города, носившую название «Русского конца». Здесь был храм во имя свт. Николая и св. вмч. Георгия, и родители прп. Серапиона принадлежали к его приходу.

Много приходилось переносить православным жителям от немцев-латинян, желавших привлечь их к своей вере. Там, где не имела успеха лезть, пускались в ход угрозы, принуждения и даже побои. Боясь преследований и мучений, некоторые из православных отступали в латинство, другие, желая сохранить отеческую веру, переселялись из

Юрьева в пределы Русской земли.

Но прп. Серапион не обращал внимания на угрозы иноверцев и явился пламенным исповедником святой веры, ревностным обличителем латинян. Хорошо зная слово Божие и творения святых отцов, преподобный часто вступал в споры с латинянами и побеждал их, обличая в неправоте веры, в отступлении от древних святых уставов Вселенской Церкви. Всегда готовый пострадать за веру, ревностный ее поборник много перенес тяжких бесчестий и скорбей, но всегда был непоколебим и благодарил Господа, не оставлявшего его Своей благодатной помощью.

Когда прп. Серапиону было около 35 лет от роду, он принужден был оставить родной город, так как немцы, грозившими ему тяжкими побоями, решили в конце концов насильно привлечь его к своей вере. Он переселился в Псковскую область, в пустыню при речке Толве, где тогда подвизался прп. Евфросин (память 15/28 мая). Неизвестно, где принял прп. Серапион монашеское пострижение, но только в пустыню он явился уже иноком. Прп. Евфросин подвизался тогда в полном уединении и принял пришельца с радостью. Но Серапиону, не искусившемуся в монашеском житии, подвиги отшельника показались очень тяжелыми, и он хотел уйти из Толвской пустыни. Видя его колебания, прп. Евфросин усердно просил своего сожителя пребывать с ним в непроходимой пустыне до конца жизни, но Серапион не соглашался. И говорил ему святой: «Брат! Великую скорбь причиняет мне уход твой и очень не хотел бы я разлучиться с тобой».

Слезы и мольбы не помогли, не помогла любовь, которую опытный в духовной жизни подвижник оказал своему начинающему сподвижнику. Серапион взял необходимые припасы для пути и, простившись с прп. Евфросином, ушел от него. Однако Господь немедленно вразумил прп. Серапиона и возвратил его в сожителство прп. Евфросина. Близ места их подвигов протекал небольшой ручей, заросший кустарником. Прп. Серапиону надо было перейти через него. И вот, рубя кустарник топором, чтобы проложить себе путь, он сильно рассек колено левой ноги. Нужда теперь заставила его вернуться к прп. Евфросину и просить прощения. «Прости меня, отче, ради Бога, – говорил прп. Серапион, – ибо согрешил я пред тобою уходом своим. И тут Господь явно наказал меня. Но святые молитвы твои снова привлекли меня к тебе. Теперь же не отойду я от тебя, пока не умру на этом святом месте».

Незлобиво и кротко принял раскаявшегося брата св. Евфросин и только заметил ему тихо: «О, брат! Это происходит от нашего маловерия». Затем утешил больного, простил его и скоро исцелил от раны.

С этого времени прп. Серапион начал вести трудную жизнь пустынника, разделяя нужды, лишения и подвиги своего учителя, прп. Евфросина. 55 лет подвизались они вместе, до самой кончины прп. Серапиона, который умер раньше прп. Евфросина.

В Толвской пустыне вырос большой монастырь, который подвижники устраивали общими трудами, в монастыре этом было много усердных подвижников. Но прп. Серапион едва ли не был усерднее всех из братии прп. Евфросина. На каждую монастырскую работу он приходил раньше всех и оставлял ее последним. Он помогал своему учителю в управлении братией и в устройстве монастыря.

Непрестанными трудами, воздержанием и добродетелями прп. Серапион превосходил в обители всех братий, являясь для них образцом послушания и иноческих добродетелей. Когда кто-нибудь из иноков оскорблял его, незлобивый подвижник все претерпевал со смирением и сам же первый просил прощения у обидчика. «Прости меня, раб Божий, прости меня, грешного», – говорил он при этом.

Друг, сподвижник и ученик прп. Евфросина, он ежедневно открывал учителю свои помыслы, как больной показывает врачу свои раны. Все уставы и иноческие правила, которые вводил св. Евфросин, твердо и строго соблюдал прп. Серапион. Дорожа каждой свободной минутой, он уходил в свою келлию и предавался молитве, пению псалмов или чтению Божественного Писания. Случалось, что в монастырь приходили христороубцы, городские благотворители, и после общей трапезы устраивалась беседа, в которой принимали участие вместе с прп. Евфросином и остальные братия. Но св. Серапион, любя подвиг уединения и молчания, тотчас после трапезы уходил в свою келлию, самую худшую, самую темную в монастыре, в которой ничего не было кроме святых икон. Здесь он слезно молился о всех требующих Божией помощи и благотворителях святой обители. Изнуряя плоть свою, преподобный не довольствовался келейными подвигами, но часто по ночам выходил на болотные места или на источник к часовне и здесь, полуобнажившись, предавал плоть свою на съедение комарам и оводам.

Строго соблюдая устав своего учителя, данный Трехсвятительской обители, прп. Серапион никогда не пропускал Божественной службы; ранее всех из братии приходил в храм и последним оставлял его. Особенно любил он молитву церковную и предпочитал ее келейной. Преподобный говорил обыкновенно: «Двенадцать псалмов, пропетых в келлии, не могут равняться единожды пропетой в храме краткой молитве: «Господи, помилуй!»».

Отрекшись от всех благ земных, изнуряя воздержанием плоть свою, преподобный Серапион не только никогда не принимал сладкой или вкусной пищи, но и скудную пищу употреблял лишь в той мере, сколько требовалось ее для поддержания жизни. Одеждой подвижника было ветхое, разодранное рубище, едва прикрывавшее его наготу. И до тех пор носил он это рубище, пока оно, совершенно истлевши, не спадало с его плеч. Чтобы не видеть своего тела, святой никогда не обнажал его и не только не ходил в баню, но даже и не умывал водою лица и рук. В свою келлию преподобный никогда не допускал женщин, и если случалось где-нибудь встречаться с ними, он не смотрел на них, не разговаривал, старался скорее уйти, чтобы и мыслью не согрешить пред Богом. Так поступал он, в строгости исполняя предписания устава прп. Евфросина.

От непрерывных подвигов и воздержания преподобный однажды тяжело заболел и целых 12 дней находился между жизнью и смертью. Но от тяжелых страданий чудесно его избавил явившийся ему прп. Онуфрий (память 12/25 июня), во имя которого был устроен придел в монастырском храме. «Я пришел к тебе, чадо, на помощь, чтобы ты еще более утвердился в подвигах и делах Божиих», – сказал явившийся чудотворец исцеленному.

После чудесного избавления от болезни прп. Серапион еще с большим рвением стал подвизаться в молитве, воздержании и борьбе с греховной плотью.

Ради великих подвигов своих преподобный еще при жизни удостоился от Господа дара прозрения и чудотворений. Однажды, незадолго до своей кончины, в 1479 г., во время церковной службы св. Серапион с громким плачем и рыданиями молился перед чудотворным образом Божией Матери. Удивленные братия по окончании службы спросили преподобного: «Отче, о чем ты так горько плакал пред иконой Пречистой Богоматери?» Он отвечал: «О душе моей, не уготованной к исходу от тела, и о том еще, что в годину моей кончины сильный враг из Ливонии (немцы) с многочисленной ратью подступит к Пскову». И потом в утешение братии прибавил: «Молитесь и уповайте на милость Божию! Господь святых ради молитв Пречистой Своей Матери и Псковских чудотворцев умиласердится над градом благоверной княгини Ольги и сохранит его, а святая обитель эта неприкосновенна будет».

Пророчество преподобного сбылось. Со стотысячной ратью, как раз в год кончины преподобного, к Пскову подступили немцы и хотели взять его. Но псковичи, воодушевленные чудесным явлением святого князя Довмонта († 1299; память 20 мая/2 июня), разбили их, и город остался цел.

Несколько ранее, в 1476 г., один латыш-крестьянин, по имени Отто, или Антоний, у которого сильно и долго болели от гнойной раны ноги, был привезен родственниками в Спасо-Елеазаровскую обитель. Увидев прп. Серапиона, выходящего из церкви, больной попросил у него исцеления. Но святой молча прошел в свою келлию. Веруя в силу преподобного, Антоний взял снег от его следов, стал примачивать им свои раны и тотчас же почувствовал облегчение от болезни. Когда Антоний явился благодарить святого за чудесное исцеление от раны, подвижник смиренно сказал ему: «Чадю, Бог исцелил тебя за святые молитвы Пречистой Своей Матери, а не я грешный».

8 сентября 1480 г. после непродолжительной болезни прп. Серапион скончался на 90-м году своей жизни и был погребен своим учителем прп. Евфросином. От подвигов воздержания и тяжких трудов тело преподобного представляло из себя одни кости и кожу. Ветхое рубище и власяницу подвижника после смерти его никто не хотел взять себе. Не только братия, но даже и нищие не дотронулись до этих одежд, когда они были оставлены за монастырской оградой.

И после кончины своей, как и при жизни, прп. Серапион по воле Божией совершил много чудес, являясь скорым помощником и врачом недугов телесных и душевных для притекающих к нему с верою больных и скорбящих.

Один псковский мальчик Павел совершенно ослеп. Однажды его родители в день памяти прп. Серапиона привели мальчика в монастырскую церковь. За службой больной задремал и увидел, что какой-то благообразный старец, – это был прп. Серапион, – коснулся его очей своей рукой. Павел тотчас получил исцеление и, проснувшись от этого прикосновения, стал видеть.

Одна женщина из Иван-города, по имени Мелания, не любимая своим мужем, часто терпела от него побои. Несчастливая женщина хотела покончить жизнь самоубийством. В отчаянии она готова была броситься в прорубь, как вдруг явился прп. Серапион и удержал ее за руку с такими словами: «Зачем ты хочешь погубить жизнь свою? Молись прп. Серапиону Толвскому и иди в свой дом с радостью. Отселе муж будет любить тебя, а ты не ропщи на него и не бранись с ним». Так случилось все по словам преподобного.

Больным лихорадкой, параличом и другим недужным прп. Серапион по молитве их подавал чудесную помощь.

Мощи прп. Серапиона почивают под спудом в Спасо-Елеазаровской обители. Память его празднуется местно дважды в год: вместе с памятью прп. Евфросина – 15/28 мая и отдельно – в день блаженной кончины.

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

Тропарь преподобного Серапиона Псковского, глас 8

Изрядством жития чистоту девства приим, Серапионе,/ и вся красная мира сего возненавидев,/ Христа Единого возлюбил еси./ Сего ради во внутреннюю пустыню вселился и со зверьми живой,/ весь Христов спостник и друг Евфросина учителя твоего был еси,/ тем же и молим тя, поминай нас, чтущих святую память твою, да зовем ти:/ радуйся, пустынный похвало, преподобне отче наш.

Кондак преподобного Серапиона Псковского, глас 4

От высокоумия искус приим смиренномудрия,/ благодатию Божиею явился еси рачитель, Богоносне Серапионе./ Желанием бо Божественный любви вжигаем,/ житейския молвы оставль,/ ревнитель учителю твоему Евфросину был еси,/ безмолвием и жестоким пребыванием последуя Христу:/ бдением же, и молитвою, и постом образ был еси спостником твоим;/ ныне же молися Господеви, Богоблаженне,/ спастися душам нашим.

Преподобномученик Макарий Кáневский, Пинский, О́вручский, Переяславский, игумен

Дни памяти

26 мая - Перенесение мощей

29 июня (переходящая) - Собор Белорусских святых

20 сентября

23 октября - Собор Волынских святых

Прмч. Макарий Каневский (1605–1678) родился на Волыни. Принял монашество, служил в монастырях Овруча, Пинска и Купятичей. Более 10 лет активно противостоял латино-польскому давлению на православие. С 1660 года – архимандрит Овручского монастыря. После разорения Овруча поляками перешел в Киево-Печерскую лавру, затем стал настоятелем Каневского монастыря. 7 сентября 1678 года при нападении турок был повешен между столбов, через два дня обезглавлен. Тело святого чудесным образом осталось нетленным после пожара в храме. Погребен под жертвенником монастырской церкви.

Преподобномученик Макарий Каневский жил в XVII веке. Это было тяжелейшее время для православных людей Западной Руси. Жизненный подвиг, совершенный преподобномучеником, был подвигом защиты православной веры в условиях неравной изнурительной борьбы, когда защищать можно было только будущее Русской Православной Церкви, поскольку то, что сохранялось от проносящегося урагана унии, сносилось татарскими набегами.

Святой Макарий родился в 1605 году в городе Овруче, на Волыни, в знатной семье Токаревских, известных ревнителей Православия. Родители воспитали мальчика в страхе Божиим, любви к молитве и храму. В 1614–1620 гг. святой обучался при Успенском Овручском монастыре и по смерти родителей, «Спаса Христа измлада возлюбивши», стал иноком этого монастыря, начав свое служение с меньшего монастырского чина – послушника. Молитва и чтение святоотеческих творений стали любимым занятием постриженного молодого инок.

В 1625 году инок Макарий, с благословения архимандрита, оставляет Успенский монастырь и направляется к епископу Пинскому Авраамии, который определяет его в Купятичский (Купятицкий) Пинский монастырь. Там преподобный настолько прославился подвижнической, добродетельной жизнью, что вскоре (в 1630 году) был рукоположен епископом Лазарем (Барановичем) в сан иеродиакона, а через два года – в иеромонаха.

Слава об образцовом монашеском житии иеромонаха Макария распространилась за пределы Купятичского монастыря, и в 1637 году братия Симоновского Брестского монастыря обратилась с просьбой к игумену Купятичского монастыря Илариону (Денисевичу) отпустить к ним в настоятели святого Макария. Но иеромонах Макарий был необходим и купятичскому игумену, и в том же году он послал его к Киевскому митрополиту Петру Могиле для вручения собранных братией денег на перестройку Киевского Софийского храма и для испрошения помощи на постройку и обновление разрушившейся монастырской церкви. Увидя в иеромонахе Макарии преданного сына Церкви Божией, митрополит выдал ему универсальный лист для сбора пожертвований, а в 1638 году назначил его настоятелем Каменецкого Воскресенского монастыря (Гродненская область). До ограбления и захвата монастыря униатами в 1642 году преподобный Макарий руководил братией этого монастыря. В суровое время братия Купятичского монастыря призвали в игумены преподобного Макария, который удерживал этот монастырь до 1656 года. С 1656 по 1659 гг. преподобный Макарий возглавлял Пинский монастырь. В 1660 году в сане архимандрита, «ко спасению вечному православные люди приводя», святой Макарий руководил братией родного Овручского Успенского монастыря.

Это было тяжелое время для православных христиан Западной Руси. Католическая Польша старалась навязать православному народу унию и латинство. Более девяти лет продолжалась непрерывная борьба с латино-поляками в Овруче. Униаты и монахи-доминиканцы неоднократно нападали на обитель преподобного, грабили церковное имущество, наносили побои и оскорбления братии. Но угодник Божий Макарий не падал духом и ободрял братию надеждой на небесное заступничество. «Повторяйте, повторяйте чаще слова пророка Давида, – говорил он, – Господь просвещение мое и Спаситель мой! Кого убоюсь?... Аще встанет на мя брань, на Него аз уповаю» (Пс. 26, 1–3). И сердца иноков укреплялись твердой верой и надеждой на Всесильного Бога.

Во время нападения на обитель в 1671 году униаты призывали святого Макария перейти в унию, но «веры Православная неустрашимый защитниче» мужественно отвечал: «Какое общение возможно для нас с вами? Вы оставили правила Вселенских Соборов, приняли предания лжи и вместо того, чтобы быть под Главою Церкви Иисусом Христом, преклонились перед земным властителем – римским папой». Разъяренные поляки, подстрекаемые иезуитами, разорили город и обитель и разогнали всех иноков. Преподобный Макарий покинул монастырь, в котором не осталось ни одного монаха, и отправился для духовных подвигов в Киево-Печерскую лавру. Здесь он провел в подвигах два года. Но такой ревностный защитник Православия нужен был не только в Киеве. Митрополит Киевский Иосиф (Нелюбович-Тукальский) назначил архимандрита Макария настоятелем Каневского монастыря. Там угодник Божий, муж высокой праведной и духовной жизни, поучая всех «истинней вере и житию богоугодному», прославился многими чудесами и благодатным даром прозрения. Множество убогих, бедных, больных и скорбящих людей приходили к нему в обитель, где получали духовный совет и исцеление.

Однажды святой Макарий исцелил ослепшего жителя города Канева. «Веруй и молись Тому, Кто дал зрение слепому, – сказал он, – иди к навечерию Богоявления Господня и молись». Во время богослужения, когда преподобный читал слова молитвы на освящение воды: «Велий еси Господи и чудна дела Твоя», слепой увидел мелькнувший возле глаз луч света и внезапно прозрел. В благодарность Богу исцелившийся построил храм в честь святого Богоявления. Известен случай, когда преподобный Макарий «ленивого и неблагонравного сына жены благочестивыя» добрым советом и молитвой обратил к покаянию. «Читай одну молитву «Отче наш», – говорил преподобный юноше, – и в ней

найдешь все – и свет богопознания, уроки для жизни, и утешение, и силу для духа; прочесть эту молитву со вниманием, думаю не тяжело». Молитва так понравилась юноше, что он стал часто читать ее и вскоре стал честным и добродетельным человеком.

За два года до блаженной кончины преподобный Макарий предсказал о разорении Канева и своем страдальческом завершении жизни. Он неустанно призывал твердо и безбоязненно исповедовать святое Православие: «Приять венец нетленный нельзя иначе, – говорил святой, – как совершая законно подвиг свой. Да не отступят православные от святой веры, но да стремятся с терпением на предстоящий подвиг, памятуя непрестанно Господа Иисуса».

В 1672 году в Каневском монастыре нашел приют сын Богдана Хмельницкого Юрий. Гетман Дорошенко, ходатайствовавший перед митрополитом Иосифом о назначении преподобномученика Макария, неоднократно посещал Каневского настоятеля и в 1675 году перешел в русское подданство, отказавшись от подданства Турции, по-видимому, не без совета преподобномученика Макария.

4 сентября 1678 года турки и татары напали на Канев и ворвались в монастырь. С крестом в руках преподобный бесстрашно встретил варваров на паперти храма. Татары стали жестоко бить его, требовали указать, где спрятано монастырское золото и имущество. «Мое золото на Небе, а не на земле», – отвечал святой старец. Нечестивые захватчики стали избивать его палками, ломали руки и ноги железными орудиями и сдирали с него кожу. Но святой Макарий, призывая Сладчайшего Иисуса, терпеливо переносил мучения. «Стопы моя направи на путь мирен, к Тебе, Боже, – восклицал он, – ибо сего желает и в сем скончается душа моя».

Через два дня (7 сентября 1678 года) мучители отсеки преподобному Макарию голову и бросили тело на площади. Христиане тайно ночью внесли святого в монастырскую церковь. Но враги подожгли храм, и все скрывавшиеся в нем погибли от огня и дыма. Когда захватчики ушли из монастыря, то уцелевшие жители города нашли тело преподобномученика нетленным. Словно живой, в одной власянице, с крестом на груди и с крестом в руках лежал преподобный. 8 сентября 1678 года христиане погребли его святыне мощи под жертвенником храма.

В 1688 году при перестройке монастырской церкви был открыт гроб преподобного и в нем обнаружено его нетленное благоухающее тело. В связи с опасностью нападения на Каневскую обитель 13 мая 1688 года святыне мощи были перенесены в новопостроенный храм Михайловского Переяславского монастыря, а после его закрытия почивали с 4 августа 1786 года в Переяславском Вознесенском монастыре Полтавской губернии.

В 1942 году мощи были перенесены в Троицкую церковь города Черкассы, а с 1965 года находятся в храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы того же города.

Память преподобномученика Макария совершается дважды: 7/20 сентября – в день преставления и 13/26 мая – в день перенесения святых мощей.

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

Тропарь, глас 4

Христу, нас ради с Небес сошедшему,/ последовал еси в подвизах твоих,/ Макарие, отче наш./ Егоже моли о нас, ублажающих тя,/ прощение прегрешений даровати нам,/ любовию же и смирением сердца наша озарити/ и спасти души наша.

Кондак, глас 4

Нетленною красотою смиренного жития твоего/ Бога на земли прославил еси/ и Божественный веры чистоту/ сохранять люди научил еси,/ страдальческими же подвиги кончину прием,/ от Бога прославлен явился еси,/ преподобномучениче Макарие, отче наш.

Преподобный Макарий Оптинский

Дни памяти

20 сентября

3 октября - Собор Брянских святых

24 октября - Собор всех святых, в Оптиной пустыни просиявших

Прп. Макарий Оптинский (1788-1860), в миру Михаил Иванов, родился в семье орловских дворян. Оставив мирскую жизнь, в 1810 г. поселился в Пловчанской пустыни, где стал учеником старца Афанасия, последователя старца Паисия Величковского. В 1834 г. перешел в Оптину пустынь, где занимался переводами святоотеческих трудов. Став духовным преемником старца Льва, создал школу издателей духовной литературы. Обладал даром прозорливости и исцелений. Скончался 7 сентября 1860 г., приняв перед смертью великую схиму. Прославлен в лике святых в 2000 г.

Старец Макарий – ученик преподобного Леониды и продолжатель его дела по старческому окормлению и внутреннему устройению обители на основе древних монашеских установлений. Время его старчества признано «золотым веком» в истории Оптиной пустыни. Трудом и скорбями отца Леониды старчество утвердилось в Оптиной и постепенно было признано, при старце Макарии Оптина пустынь обретает всероссийскую славу и известность, становится духовным центром России. Ей принадлежит немалая заслуга в том, что в русской культуре, находившейся с петровских времен под сильным западным влиянием, во второй половине XIX столетия происходит постепенное возвращение к православию.

Детство в родительском доме

Старец Макарий – в миру Михаил Николаевич Иванов – происходил из дворян Орловской губернии. Его прадед Иоанн, в монашестве Иосиф, подвизался в Карачевском Николаевском Одрине монастыре, был известен строгостью жизни. Дед и бабушка также отличались благочестием, бабушка всю жизнь много занималась благотворительностью, никому не отказывая в помощи. Каждую неделю она посещала заключенных в тюрьме, угощая их при этом домашней выпечкой. Это однажды спасло жизнь ей и ее супругу – как-то зимой на дороге на них напали грабители, и один узнал женщину, из рук которой когда-то получил угощение, сопровождавшееся словами утешения. По его просьбе напавшие сохранили жизнь своим жертвам.

Родители старца Макария – коллежский ассесор Николай Михайлович Иванов и Елизавета Алексеевна, урожденная Емельянова, помимо родового имения Ивановых – села Щепятино в Дмитровском уезде Орловской губернии – владели еще несколькими поместьями в других губерниях. В селе Железняки, что расположено неподалеку от Лаврентьева монастыря в Калужской губернии, 20 ноября 1788 года у них родился старший сын – Михаил, назван он был в честь св. Михаила, князя Тверского. У Михаила будет еще три брата и сестра, но мать, по воспоминаниям, всегда выделяла старшего сына и говорила, что из него «выйдет что-нибудь необыкновенное». Он рос тихим, ласковым ребенком. Имение, где жила семья, располагалось в очень живописном месте: на возвышенности, под которой протекает извилистая речка Яченка, впадающая в Оку, вдаль простираются луга, рощи, на противоположном берегу, в зелени окружающего сада, просматривались

постройки Лаврентьева монастыря. Семейство Ивановых было близко знакомо с настоятелем обители – архимандритом Феофаном, который крестил некоторых из детей. Детские впечатления о посещении монастыря, строгих богослужениях старец сохранил на всю жизнь. Отец Макарий вспоминал и такой знаменательный случай: однажды во время службы, которую совершал отец Феофан, он, маленький мальчик, увидев знакомого батюшку, стремительно вбежал в алтарь через открытые Царские врата.

Годы учебы и поступление на службу

Когда Михаилу не было и десяти лет, в 1797 году, его мать, страдавшая туберкулезом, скончалась. Произошло это в Москве, куда семья переехала за три года до этого для лечения ухудшившегося здоровья Елизаветы Алексеевны. После этого печального события Николай Михайлович поселился с детьми в селе Щепятино, в своем имении. Позже он переехал в город Карачев, к своей сестре Дарье Михайловне Передельской, которая приняла близкое участие в жизни его детей, так рано оставшихся без матери. Уже пора было подумать о том, чтобы дать детям образование. Старшие сыновья были помещены в городское приходское училище. В 1801 году Передельские переехали в свою деревню и взяли туда домашнего учителя для сына, вместе с ними переехали туда и Михаил с двумя старшими братьями. Там Михаил прожил около года, после чего поступил бухгалтером в Львовское уездное казначейство, под начало своего родственника С.Я. Сандулова. Помощниками его стали брат Алексей и двоюродный брат, тоже Алексей, Передельский. Трое совсем молодых работников (Михаилу тогда было всего лишь 14 лет) так исправно вели дела, с таким усердием и точностью, что обратили на себя внимание губернского начальства. Алексей Передельский так вспоминал позже о своем двоюродном брате, с которым долгое время они прожили вместе: «...ему присущи были всегда набожность, благочестие, целомудрие, кротость и нравственная чистота. Он большею частью уклонялся от наших детских игр и забав, а вместо того любил заниматься чтением и рукоделием, разумею детские клеения из картона домиков, вырезывание разных фигур, или что-нибудь вышивал. Придя в возраст, во время мирской жизни он не чуждался светских пристойных удовольствий, но и не оказывал к ним особой склонности, любил музыку... любил также пение, голос у него был хотя слабый, но этот недостаток восполняло его знание и понятие о музыке».

В 1805 году Михаил был назначен на место начальника стола счетной экспедиции в Курске, получил повышение по чину. Его начальник Николай Михайлович Ленивцев очень расположился к новому работнику и даже предоставил ему комнату в своем доме. Ленивцев был образованным человеком с широким кругом интересов, в его доме молодой человек нашел приятное общество, возможность продолжить свое образование. Тогда он интересовался музыкой и литературой, все свободное время посвящал этим занятиям. Он хорошо играл на скрипке, а в книгах, по воспоминаниям, искал ответа на самые серьезные жизненные вопросы. Бывая в обществе, он по-прежнему оставался скромным человеком, вспоминают, что в эти годы за его стыдливость и застенчивость, а также сильную худобу (у него с детства было слабое здоровье), Михаила частенько в шутку называли «монахом».

Управление имением

В 1806 году скончался отец Михаила Николаевича. Четыре брата и сестра, оставшиеся без родителей, жили дружно, поддерживали друг друга, все решения принимали вместе. Кстати, Варвара Николаевна, как и ее старший брат, со временем, после смерти супруга, примет монашество. На семейном совете после кончины отца было постановлено, что имение должно перейти к старшему сыну. Михаил Николаевич, который тогда уже тяготился обязанностями службы, с радостью принял решение братьев и, выйдя в отставку, переехал в Щепятино. Склонный к уединению и сосредоточенности молодой человек в

глубине души хотел обрести свободу, чтобы больше времени посвящать своим любимым занятиям – чтению и музыке.

В деревне он прожил два года и в хозяйственной деятельности не преуспел. Имение требовало постоянного присмотра, с работниками следовало обращаться со всей строгостью, взыскивая за халатность, воровство – на это Михаил Николаевич был совершенно неспособен. Вспоминают, что прислуга даже посмеивалась над незадачливым баринком, который не хотел действовать общепринятыми методами – суровым наказанием и взысканием. Но показателен такой эпизод. Как-то мужики украли много гречихи, что не могло остаться незамеченным. Михаил Николаевич призвал их к себе и стал вразумлять словами из Священного Писания, призывая не гневить Бога. Свидетели этой сцены были уверены в бесполезности этих речей и по обычаю добродушно смеялись над баринком. Каково же было их удивление, когда потрясенные до глубины души мужики сознались в своем воровстве, от всего сердца раскаялись в содеянном и в слезах, на коленях стали просить прощения. Соседи, прознав о доброте молодого барина, постоянно обращались к нему за разной помощью, и тот никому не отказывал, даже если это было в ущерб собственному хозяйству.

Так понемногу протекли два года. По-прежнему любимым занятием оставалось чтение, но все больше Михаила Николаевича интересовали вопросы спасения души. Однажды он отправился на Коренную ярмарку и закупил множество книг духовного содержания, в которые углубился с жадностью. Часто он занимался столярными работами, до усталости простаивая за верстаком – следуя совету не предаваться праздности и лени. Родные пытались его женить, но никак не могли подобрать подходящую невесту. Когда наконец остановили выбор на одной из соседок и отправились к ней, семья предполагаемой невесты не готова была сразу дать ответ и просила времени подумать и подождать. Когда братья вернулись, расстроенные таким ответом, Михаил Николаевич очень обрадовался, сказав, что по-настоящему не хотел этого сватовства, но не мог не послушаться братьев (от природы ему был дан миролюбивый характер и редкий дар послушания) и очень доволен этим ответом. В душе он воспринял такой поворот как проявление воли Божией о нем, и нерешительный ответ семьи невесты решил его дальнейший путь – уже тогда он все больше укреплялся в желании посвятить себя Богу.

Свидетельств о том, что окончательно подвигло его к уходу из мира, не сохранилось. Но по-настоящему вся жизнь, склад характера, поступки, слова и размышления молодого человека, сохранившиеся в его письмах и воспоминаниях близких людей, говорят о его постепенном внутреннем возрастании, и этот шаг представляется совершенно закономерным.

6 октября 1810 года Михаил Николаевич отправился на богомолье в Площанскую пустынь, что неподалеку от Щепятино, и домой уже не вернулся. Он отправил родным письмо, где сообщал, что остается в монастыре, а имение передает братьям в полное распоряжение. Отправился ли он в обитель, уже имея намерение остаться в ней, или же обстановка монастыря, сразу поразившая его, по свидетельству старца, способствовала принятию окончательного решения – неизвестно. Но, так или иначе, в возрасте 22 лет Михаил Николаевич вступил на иноческий путь.

В Богородицкой Площанской пустыни

Площанская пустынь, удаленная от населенной местности, окруженная со всех сторон лесами, вполне соответствовала требованиям иноческого уединения. Михаил Николаевич поступил в пустынь при иеромонахе Иоаникии, тогда в ней насчитывалось до 50 человек братии. Обитель не имела богатых средств, но трудолюбивая братия, исправно совершающая послушания, доставляла себе все необходимое для жизни.

Михаил Николаевич ревностно принялся постигать азы иноческого делания, новый образ жизни он воспринимал как благодатный дар. Сам он потом вспоминал, что по

прибытии в Площанскую пустынь ощущал такой подъем, что «не знал, где находится: на земле или на небе, и все монашествующие казались ему как Ангелы Божии».

Поначалу Михаил был занят на разных послушаниях: в трапезной, на заготовке дров, летом – на огороде, уборке сена и т.д. Но вскоре были замечены его способности к музыке, он стал изучать устав и церковное пение, занимался также письмоводством обители. Со временем он был назначен канонархом, а затем уставщиком левого клироса. В декабре 1810 года послушник Михаил был пострижен в рясофор с именем Мельхиседек.

Первым руководителем его был настоятель обители отец Иоаникий. Простой, добрый монах со вниманием и заботой отнесся к новонаначальному, позже старец Макарий всегда с благодарностью вспоминал этого своего первого наставника. Но настоящего духовного руководства в Площанской пустыни в то время не было, отец Мельхиседек скорбел о том, что не может проходить подлинную школу монашеского делания.

В 1814 году отец Мельхиседек побывал на богомолье в Киеве, посетив по пути и некоторые другие обители. По возвращении, в 1815 году, новый настоятель отец Павел постриг его в мантию с наречением имени Макарий в честь преподобного Макария Египетского. Промыслительно имя этого подвижника, которого почитают среди основателей восточного монашества, будет дано тому, кто явится одним из основателей оптинского старчества. Вскоре отец Макарий был рукоположен во иеродиакона и назначен ризничим.

Тогда же, в 1815 году, в Площанскую пустынь поступил старец иеросхимонах Афанасий (Захаров). В его лице отец Макарий обрел наконец того опытного руководителя в духовной жизни, потребность в котором он давно уже ощущал. Схимонах Афанасий, родом из дворян, в миру был военным, служил ротмистром в гусарском полку, в 30 лет поступил в Нямецкий монастырь. Там он прожил 7 лет, был пострижен в монашество старцем Паисием (Величковским) и окормлялся у этого великого подвижника. Отец Макарий прожил под руководством старца Афанасия почти десять лет, с 1817 года он стал его келейником, так что мог постоянно пользоваться советами мудрого подвижника.

У отца Афанасия были сделанные старцем Паисием переводы древних творений, посвященных основам аскетической жизни, – преподобных Макария Великого, Иоанна Лествичника, Исаака Сирина, Григория Паламы, Симеона Нового Богослова и других, а также труды самого старца. Это бесценное сокровище для ищущего истинной монашеской жизни теперь было доступно отцу Макарию, он научился писать полууставом и по поручению старца переписывал эти аскетические труды, а также делал выписки для себя. Так он глубоко постиг учение отцов о спасении души, в дальнейшем в своих советах и наставлениях постоянно прибегал к ним, редко давая наставления от своего имени.

В 1824 году он ездил в Ростов поклониться мощам святителя Димитрия Ростовского и тогда впервые побывал в Оптиной Пустыни и в недавно устроенном при ней Предтеченском скиту. На следующий год скончался старец Афанасий, и отец Макарий вновь остался без духовного руководителя. Советы отца Афанасия и близкое знакомство с аскетическими творениями укрепили иеромонаха Макария в его духовном возрастании. В 1827 году он был назначен духовником Севского Троицкого женского монастыря, что положило начало новому периоду его деятельности. Нелегкое дело духовного окормления, к которому он приступил в возрасте сорока лет, станет его главным служением до конца дней. Наставником и помощником отца Макария в этом делании был старец Леонид, прибывший в Площанскую пустынь в 1828 году из Александро-Свирского монастыря. Его руководство завершит духовное совершенствование отца Макария, который полностью предал себя в послушание старцу. Старец Леонид сразу увидел в отце Макарии подвижника, обладающего многими дарами, и относился к нему скорее как к другу, сомолитвеннику, сотруднику в духовном делании, лишь уступая его просьбе и искреннему желанию иметь опытного руководителя, согласился быть его наставником. Хотя старец Леонид вскоре перешел в Оптину пустынь, общение между ними продолжалось через

переписку, отец Макарий всей душой желал соединиться со своим старцем, что со временем и произошло.

Отец Макарий тогда уже занимал должность благочинного обители, ему пришлось сначала долгое время пробыть по делам в Севске, а затем епископ Орловский возьмет его с собой в Петербург заниматься нуждами монастыря, там он прожил до октября 1832 года. Суетные канцелярские и хозяйственные заботы, многолюдство большого города очень удручали привыкшего к уединению молитвенника, в письмах он сетовал на свое положение, но видел в этих скорбях проявление воли Божией. На обратном пути из Петербурга он побывал в Оптиной пустыни, повидался со своим другом и учителем отцом Леонидом и подал прошение о переводе его сюда, сам же вернулся в Площанскую пустынь, где стал ожидать решения своей участи. Положение усложнялось тем, что тогдашний настоятель пустыни отец Маркеллин был серьезно болен и не мог управлять обителью, и отец Макарий был одним из трех кандидатов на место настоятеля. В 1833 году он писал старцу Леониду: «Но как устроит Господь, да будет Его святая воля. Хотя я и многогрешен, но вверяю себя в покров Пречистой Богородицы – всем грешным предстательству и спасению; ожидаю, что устроит Господь, Ее святыми молитвами, на пользу души моей». 14 января 1834 года отец Макарий получил указ о перемещении его из Площанской пустыни в Оптину и 5 февраля прибыл в Предтеченский скит, где будет подвизаться уже до конца своих дней.

Первые годы в Предтеченском скиту

Отец Макарий прибыл в Предтеченский скит, чтобы поселиться рядом со своим наставником старцем Леонидом. Здесь он был радушно встречен настоятелем отцом Моисеем и скитона начальником Антонием, которые понимали, какое значение имеет для обители пребывание в ней опытного подвижника. Все они были «единого духа», что благоприятно повлияло на обстановку в монастыре. Все они в свое время имели духовными наставниками учеников и продолжателей дела старца Паисия (Величковского), возрождавшего истинную аскетическую традицию монашеского делания на основе святоотеческого учения о спасении. Старец Леонид сразу сделал отца Макария своим помощником, поручив ему переписку с некоторыми из своих духовных чад. В 1836 году отец Макарий был назначен духовником обители, а после перевода отца Антония в Малоярославецкий монастырь в 1839 году – скитона начальником. Но называясь начальником, он никогда не ощущал себя таковым, во всем полагаясь на старца.

Преданный ученик старца Леонида

Старец Леонид постепенно готовил отца Макария себе в преемники. Поскольку главной, но и самой трудной добродетелью является смирение, старец не устал воспитывать ее в своем ученике, всячески подвергая испытаниям его терпение, подвергая нападкам, болезненным для человеческого самолюбия, но отец Макарий обычно выдерживал эти испытания, проявляя удивительную кротость. Автор одного из первых жизнеописаний старца Макария, наместник Троице-Сергиевой Лавры Леонид (Кавелин) описывает характерную сцену: «...строитель позвал к себе отца Макария и просил его принять от пострижения в мантию некоторых готовившихся к тому братьев. Вменяя просьбу начальника в приказание, отец Макарий ответил на оную соизволением и смиренным поклонением. Придя после того к старцу Леониду, он застал сего духовного вожда по обычаю окруженного множеством вопрошавших о своих духовных нуждах и недоумениях. Отец Макарий кратко поведал ему, зачем звал его настоятель. Пользуясь этим случаем доставить подвижнику-иноку венец терпения, а других воспользоваться его смирением, духовно опытный старец с видом строгости спросил о. Макария: "Что ж, ты и согласился?" – "Да, почти согласился, или, лучше сказать, не смел отказываться", – ответил о. Макарий.

"Да, это свойственно твоей гордости!" – сказал старец, возвысив голос, и, притворяясь гневающимся, довольно долго укорял отца Макария. А тот стоял перед старцем с поникшей головой, смиренно ему кланяясь и повторяя по временам: "Виноват! Простите, Бога ради, батюшка!" Все присутствовавшие, привыкши уважать отца Макария наравне со старцем Леонидом, смотрели на это одни с недоумением, другие с благоговейным удивлением. Когда же старец умолк, отец Макарий, поклонившись ему в ноги, кротко спросил: "Простите, батюшка! Благословите отказаться?" – "Как отказаться? Сам напросился, да и отказаться? Нет, теперь уже нельзя отказываться, дело сделано!" – сказал отец Леонид, вовсе не имевший в виду лишать духовной пользы тех, которые вверялись духовному руководству опытного наставника. Цель выговора была иная: искусить смирение преуспевшего в оном старца-ученика и, как выше замечено, воспользоваться через то других».

Но при этом было очевидно и то, как старец любил и ценил отца Макария. Однажды он так выразился о степени духовного совершенства оптинских подвижников: «Отец Моисей и отец Антоний – великие люди, а Макарий – свят». Вскоре помимо переписки старец Леонид стал доверять ему и окормление своих духовных чад, советовался в разрешении разных вопросов, а со временем никаких затруднений не решал без отца Макария, если его не было рядом, отвечал вопрошавшим: «Подождем; придет о. Макарий, вместе поговорим». Все вспоминают, как трогательно было видеть такое единодушие и взаимное согласие двух старцев. «Бывало, – рассказывала духовная дочь старцев, впоследствии настоятельница Белевского женского монастыря игумения Павлина, – говоришь с отцом Леонидом, входит отец Макарий. Отец Леонид говорит ему: "Батюшка, поговори-ка с ней, ей нужно тебе кое-что объяснить". Или, бывало, сидят они, как Ангелы Божии, рядом, а мы стоим пред ними на коленях и двум открываем свои души, как бы одному. И никогда не разделяли их и не делали между ними никакого различия. Поистине в них бе сердце и душа едина [Деян.4,32]. Потому, когда скончался отец Леонид, хотя мы и скорбели о нем, но скорбь наша была умеренная, так как мы лишились одной половины, а другая осталась при нас». Старец Леонид в конце жизни благословлял своих духовных чад после его кончины обращаться к отцу Макарию.

Благоустройство Предтеченского скита

Отец Макарий принял под свое начало Предтеченский скит из рук отца Антония в 1839 году, история скита насчитывала тогда 18 лет с момента основания. Внутренний распорядок к тому времени уже сложился, вся обстановка содействовала духовному возрастанию насельников. Особым украшением скита были насаждения, устроенные еще основателем скита отцом Моисеем и с любовью поддерживаемые отцом Антонием. Постройки же скита с момента основания практически не изменились. За годы пребывания старца Макария в должности скитоначальника Предтеченский скит значительно преобразился при содействии благотворителей – духовных чад старца. Теперь скит не только был обеспечен всем необходимым для жизни его насельников, но и поддерживал монастырь. В 1857 году распоряжением митрополита Московского Филарета был увеличен штат монастыря с целью пополнения числа насельников Предтеченского скита.

Были расширены и благоустроены здания скита: в 1857 году завершено возведение новых каменных Святых врат с колокольной над ними, обложены кирпичом примыкающие к ним корпуса келлий, в 1858 году построена новая братская трапезная. Летом 1860 года в восточной части скита был заложен новый деревянный корпус келлий с помещением для скитской библиотеки, которой старец пожертвовал хранящуюся у него бесценную коллекцию рукописей и книг духовного содержания.

Эти помещения были тщательно обустроены и внутри по распоряжению старца. Колокольня и святые врата были расписаны по мысли старца Макария – он сам выбрал сюжеты для всех изображений. Предметом его особой заботы было внутреннее убранство

скитской церкви – в ней был позолочен иконостас, расписаны потолки и стены. При этом старец всегда соблюдал меру благолепия и простоты, он не любил вычурности и роскоши в храме, весь его облик был выдержан в строгом стиле, соответствующем общему подвижническому духу святого места. Все росписи, украшения, каждый предмет, находящийся в храме, имели свою цель и значение – ничего лишнего или случайного. При старце Макарии была приведена в порядок и значительно пополнена скитская ризница.

Отец Макарий не сразу продолжил начинание своих предшественников – разведение плодовых деревьев и цветов на территории скита. Поначалу ему показалось, что это не соответствует строгому духу скитской жизни. Но посетители, увидев, что нет прежних прекрасных цветников, стали выражать недоумение, а иногда и недовольство этим, поскольку привыкли к благоуханию и ярким краскам цветов в скиту. Тогда старец сначала устроил одну клумбу, и тут обрадованные чада и посетители скита стали с усердием помогать в устройении цветников и клумб, жертвуя семена, и вскоре весь скит украсился цветами и зеленью, а вдоль дорожек были устроены настоящие шпалеры.

Разросся и плодовый сад. Скитяне круглый год вкушали на трапезе плоды из собственного сада, ну, а знаменитые моченые яблоки, приготовленные насельниками, раздавались по всей округе и пользовались славой за свой вкус и полезные свойства. Был расширен также скитский пчельник, также с помощью одного из учеников старца, с введением самых последних усовершенствований в области пчеловодства.

Заботился старец и о территории вокруг скита. Он очень дорожил его уединением, которое во многом обеспечивалось вековым сосновым лесом, окружающим скит и ограждающим его даже от расположенной рядом обители. «Человек, – рассуждал он, – получает в лесу себе успокоение и душевную пользу. Мы видим, как в прежние времена люди удалялись в чащу лесов и там, в тиши от мира и сует его, в молитве и трудах иноческих искали своего спасения. Один вид присно зеленых хвойных деревьев нашей родины веселит зрение, служа символом надежды на жизнь присносущную, для взыскания коей удаляются в пустыни. Леса, окружающие наши пустынные обители, надобно беречь всеми мерами, чтобы чрез истребление их название "пустынь" не сделалось, наконец, праздным словом». Но в 1849 году сильная буря повредила лес, повалив множество деревьев. Старец позаботился о новых насаждениях и тот прекрасный лес, который сегодня обступает скит, – во многом результат его усилий. За молодой порослью, насажденной по распоряжению отца Макария, заботливо следила братия.

Конечно же, попечение скитонаачальника отца Макария не ограничивалось только внешним благоустройением. Будучи большим знатоком устава и церковного пения, старец Макарий уделял большое внимание совершению службы – чтению, пению. К богослужению он относился с благоговением и трепетом. Если замечал ошибки, находил способ, не обижая брата, поправить его, так он постоянно поддерживал порядок и богослужение в скиту постепенно совершенствовалось.

Самым же главным делом старца, неизменным «послушанием», которое он совершал почти без отдыха, отдавая всего себя, – было духовное окормление братии и посетителей, количество которых постоянно росло. Именно эта его «деятельность» и являлась главной причиной процветания скита и монастыря.

Смирный старец

«Наружный вид старца Макария был чрезвычайно привлекательный. Волосы на голове и бороде имел он недлинные и седые, бороду окладистую. Руки его отличались мягкостью и гибкостью, как весь его стан – стройностью. Лицо белое и чистое, ничем, впрочем, с первого взгляда не поражающее и по недостатку в глазах несколько неправильное, даже, по обыкновенным понятиям о красоте физической, вовсе некрасивое, притом с печатью постоянного самоуглубления, следовательно, на вид более строгое, чем ласковое. Но такова сила благодати Божией, что лицо это, служа зеркалом чистой смиренной и любвеобильной

души старца, сияло какой-то неземной красотой, отражая в себе то или другое из свойств внутреннего человека – плодов Духа, исчисленных апостолом (Гал.5,22-23). Взор тих, слово смиренно и чуждо дерзновения. Вообще в нем было редкое соединение ума и детской простоты, величия и вместе тихости и смирения, делавших его доступным для всех и каждого», – такой портрет отца Макария оставил его ученик иеромонах (впоследствии архимандрит) Леонид (Кавелин), автор первого жизнеописания старца.

Выше всего ставил отец Макарий добродетель смирения, к которому призывал своих духовных чад и образцом которого являлся сам. Вот характерные строки из его письма: «Мне-то горе, бедному! О людях рассуждаю, а сам низлежу во всех злых; и гордости не чужд. Принимаю от подобных себе слепцов убажнение на свое осуждение. А ежели бы вам открыть глаза, и видели бы хотя часть некую моих злых деяний; то воззрети бы не восхотели на такое чудовище. И надобно бы было мне умолчать и внимать себе. Но не знаю, обычай ли мой лукавый или тщеславный под видом пользы якобы ближних не допускает умолкнуть. Оставляю попечение о своей душе, простираюсь о других; и только знаю, что пишу, хотя и весьма нелегко мне сие. Не знаю, что будет». Часто он приводил в письмах слова преподобного Исаака Сирина о великом значении добродетели смирения: «Смирение и без дела много прощает согрешений; как, напротив, все наши дела и все добродетели без смирения суетны – не спасут нас». Оберегая от самомнения одну свою духовную дочь, старец писал ей: «Пишешь: кажется тебе, что ты смиренна и терпелива. Какое наше смирение? – волчье; а терпение – гнилое».

За всеми его словами, поступками ощущалась огромная любовь к людям и желание им помочь, именно это привлекало всех к старцу. Рассказывал о себе оптинский старожил о. игумен Марк: «Вскоре по поступлении моем в Оптину я захворал лихорадкой. Болезнь моя продолжалась около двух лет. Больницы в то время в обители не было, и больные из братии лежали в своих келлиях. Тогда я вполне убедился, какой великой, истинно отеческой любовью проникнуто было сердце старца батюшки отца Макария по отношению к братьям скита и монастыря, и в особенности больным. Несмотря на то, что к нему ежедневно приходили во множестве посетители разного пола и сословия, он всегда находил время обойти всех больных братий и каждого из них обласкать, успокоить и утешить». Отец Макарий постоянно помогал бедным, причем умел делать это незаметно.

Как скитоначальник, старец занимал небольшой корпус, расположенный слева от скитских врат. Он был разделен на две половины, южную занимал старец, а северную – два его келейника. Половина старца состояла из двух комнат – приемной и его келлии, в которой он провел двадцать лет своей жизни. Это была небольшая продолговатая комнатка с одним окном на юг – на дорожку, идущую от святых врат к Предтеченской церкви. Перед окном стоял простой деревянный стол, в ящиках которого хранились письменные принадлежности, а также образки, крестики, четки и пояски для раздачи посетителям. На столе стоял письменный прибор, бумаги, большую часть которых представляли груды писем, разделенные на требующие скорейшего ответа, менее срочные и еще не прочитанные. Здесь же лежали свежие духовные журналы или новая книга, которые старец просматривал урывками, чаще всего вместо послеобеденного отдыха. И, наконец, обязательно что-нибудь из святоотеческих творений, чтение которых для старца было постоянной насущной необходимостью. У письменного стола стояло кресло с овальной спинкой.

Юго-восточный угол и южная стена комнаты были заняты иконами и образами, многие из которых являлись подарками духовных чад. Среди них – особо почитаемая старцем Владимирская икона Божией Матери, перед которой теплилась неугасимая лампада. Под иконами на полке и аналое лежали богослужебные книги. Вдоль западной стены стояла узкая деревянная кровать, над изголовьем которой находилось Распятие, а выше – образ Спасителя – Доброго Пастыря, несущего на плечах заблудшую овцу. Над кроватью висело множество портретов подвижников благочестия и духовных деятелей.

Здесь старец совершал свой молитвенный подвиг, здесь принимал братию и посетителей-мужчин. Для женщин была устроена специальная внешняя келлия, вход в которую был за оградой скита. Кроме того, каждый день старец отправлялся в монастырь, поэтому вдоль узкой дорожки, ведущей из скита в обитель, его обычно поджидали паломники и посетители, желающие взять благословение старца, обратиться к нему с вопросами, недоумениями. Отец Макарий совершал этот путь до обители всегда в окружении толпы почитателей.

Хотя отец Макарий с большим благоговением относился к богослужению, но сам он, поселившись в скиту, церковных служб не совершал из-за врожденного недостатка дикции. Старец исправно посещал все службы, в храме стоял, по воспоминаниям, в боковом проходе, весь уйдя в молитву. Но как глубоко понимал он все, касающееся богослужения, церковного пения и молитв, свидетельствует такой случай. Был тогда в Оптиной послушник Павел Степанович Покровский (в монашестве – отец Платон), друг Александра Михайловича Гренкова (будущего старца Амвросия), вслед за ним пришедший в Оптину. Он долго приспособлялся к монастырской жизни, непросто было отказаться от прежнего образа жизни и мирских привычек. Одной из них была страсть к музыке. Покровский играл на скрипке, помнил много произведений светской музыки, признавался, что они все время звучат у него в душе. Отец Макарий, сам когда-то игравший на скрипке, разными способами старался помочь новонаначальному преодолеть эту привязанность. Чтобы обратить его страсть на пользу душе, отец Макарий поручил ему переписывать ноты церковных служб, разучивать новые напевы. Они часто беседовали о церковной музыке, причем Покровский любил партесное, западное пение, отличающееся от древнего светским характером. Однажды батюшка сидел в своей келлии один за письмами, а Павел Степанович по обычаю зашел к нему показать новые ноты, вот как он сам описывает этот эпизод: «На мою просьбу он, положив на стол перо, начал рассматривать принесенные мною ноты. Наконец, послушав от меня напев догматика и, без сомнения, желая преподать надлежащее понятие о пении церковном, и притом разумном, он сказал мне: "Ну что ты разучаешь все новое партесное? Ну что в нем особенного? Как его можно сравнить с нашим церковным пением? Мы вот как этот догматик певали". И старец запел его по церковному напеву. Строго церковное его нотное пение проникнуто было самым искренним чувством вполне понимаемого им песнопения. Он воспевал Небесную Царицу Деву, как бы стоя пред Нею и созерцая славу Ее. Я забыл свои ноты и с изумлением глядел на поющего старца и не мог надивиться: как это у такого маститого старца, строгого подвижника, мудрого учителя, такое детски нежное чувство, такая пламенная, младенчески верующая любовь к Божией Матери! Батюшка чем дальше пел, тем глубже проникался чувством песнопения. Голос его уже начал дрожать. И лишь только пропел он: «быв человек нас ради», – пение его прервалось. Слезы полились у него ручьем. Склонив голову, он плакал сильнее и сильнее и наконец зарыдал, как дитя, оторванное от любящей его матери – единственного утешения. Долго стоял я, изумленный таким явлением. Прошло с полчаса, а рыдания батюшки не прекращались. Вместе с тем виделось в нем такое глубокое чувство смирения и пламенеющей любви к Господу и Пречистой Богоматери, что мне даже стало стыдно и смотреть на него. Так я и не дождался конца рыдания старца и, глубоко растроганный, пошел со своими нотами к себе в келлию». Никогда не участвуя в богослужении, старец, по воспоминаниям, делал исключение на Страстной Седмнице и сам пел на утрени светилен: «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный...», очевидец вспоминал об этом: «И как он пел? Казалось, что слово "вижду" имело в устах его подлинное значение и что пение его выражало то, что в самом деле видели его душевные очи. Старческий голос дрожал от возбуждения чувства духовного, слезы катились по бледным его ланитам; сердца же слушающих проникались умилением. Невольно присутствовавшим в это время в храме Божиим почитателям старца могла приходиться мысль: "Тебе ли, земной Ангел и человек небесный, облеченному в одежду смирения, вопиять ко Господу: одежды не имам, да вниду в оны?"».

Любовь старца распространялась на всё творение. Так, в зимнее время, сожалея об остающихся без пищи птицах, он обычно давал распоряжение келейникам подкармливать их, для этого к его окну была приделана кормушка: «...довольное количество синичек, коноплянок и маленьких серых дятлов слеталось пользоваться благодеянием старца. Заметив же, что большие птицы, сойки, стали обижать мелких беззащитных птичек, зараз поедая то, что им стало бы на целый день, старец, пища нужные письма, сам по временам поднимался со стула, чтобы стуком в окно прогонять хищников. Но видя, что это не помогает, он уже велел сыпать зерна в банку, из которой мелкие птички легко могли доставать их, влетая в оную; сойкам же стало неудобно обижать их». Батюшка очень любил природу, в летнее время нередко прогуливался по скиту, любуясь цветниками, вот строки из его письма: «У нас проходят дождички с громом, и паки просиявает солнце. Погода благорастворенная. Жасмины в полном цвете, а георгины расцветают. Как бы нам постараться украсить душевный наш вертоград цветами добродетелей, благоухающих смирением!» В другом письме батюшка рассказывает о «птичьей столовой»: «У меня бывает всякий день много гостей пернатых. К окну приделана полочка, и сыплем зерен разных. Прилетают разного рода пташки: синички, воробьи, иваньчики (мелкие серые дятлы), сойки и другие. И всякая своим манером кормится. Естественная наука в натуре, и видна творческая сила и премудрость».

По свидетельствам близко знавших старца, до самой кончины он сохранил живость характера и подвижность: «Живость эта проявлялась во всех его действиях – в чтении, разговоре, походке, во всех его занятиях и даже в некоторых телодвижениях... По той же живости характера он не любил и в других медлительности и вялости, долгих сборов и т. п. Так, например, если кому случалось ехать с ним в дорогу, надобно было собраться спешно или заранее; потому что, едва лишь поданы бывали лошади, он уже готов был к отъезду и шел садиться. В делах послушания также любил, чтобы всё братиями делалось скоро, или, вернее сказать, с усердием и тщанием, ибо что делается усердно и тщательно, то бывает споро и скоро. Небрежности же не мог терпеть даже в маловажных делах. Например, если кто, взяв в руки книгу, вследствие торопливости или просто без внимания положит ее нижней стороной вверх, увидев это, старец не преминет заметить: "Ты положил книгу небрежно – это нехорошо", – и сам поправит ее».

В воспоминаниях о старце сохранились мельчайшие подробности его характера, привычек, светлый образ батюшки Макария дорог был тысячам людей, но большую часть воспоминаний составляют свидетельства о благодеяниях старца – его советах, утешениях, многочисленных случаях исцелений и избавления от опасности по его молитве. При этом для него главным было не просто разрешить какую-то конкретную проблему, но направить душу человека на путь спасения, обратить его мысли, душу, да и всю жизнь к Богу.

Духовное окормление

Время, свободное от молитвы, богослужений, за исключением краткого отдыха, отец Макарий посвящал служению ближним. Келейники старца свидетельствовали, что не было случая, чтобы он отказал кому-нибудь в помощи, дверь келлии никогда не запиралась. Даже ночью, бывало, приходили к нему с неотложными вопросами, и он тут же поднимался с постели, каким бы тяжелым не выдался день накануне.

Батюшка отличался поразительной памятью, над которой были не властны годы. Стоило ему один раз пообщаться с человеком, – и он уже навсегда запоминал его, со всеми житейскими обстоятельствами, проблемами, так что при новой встрече, через какое бы время она ни произошла, сразу узнавал человека и расспрашивал о его делах.

Одним из свойств старца Макария было удивительное умение почувствовать человека, найти к каждому подход, соответствующий его характеру, кого нужно – утешить, кого-то приободрить, к другому проявить строгость. Он знал меру и возможности каждого. Если человек не слушал его совета или обращался с вопросом, а на самом деле собирался

поступить по-своему – отец Макарий говорил просто: «Делай как хочешь». Давно знавшие старца понимали, что нет хуже этого ответа – он означал, что человек не готов последовать воле Божией, открываемой через старца. Отец Макарий был очень снисходителен к греху, когда видел, что человек искренне и глубоко раскаивается. Самым тяжелым для него было, если человек проявлял непослушание и своеволие.

По воспоминаниям, батюшке проще было общаться с людьми среднего и низшего сословий, они целиком доверяли ему, не искали в нем «внешней учености», готовы были сразу открыть сердце, да и веру имели более крепкую. Но слава старца была уже так велика, что для беседы с ним приезжали и представители высшего сословия, государственные деятели, писатели, ученые. Старец находился в духовной дружбе с семейством Киреевских, которое содействовало ему в издании святоотеческих трудов, о чем речь еще впереди. Среди знаменитых посетителей старца Макария – писатель Николай Васильевич Гоголь. Он неоднократно приезжал в Оптину, при этом обязательно встречался для беседы со старцем. Отец Макарий много содействовал тому духовному перевороту, который уже созревал в душе писателя и в результате которого были созданы его последние, наиболее глубокие произведения – «Письма о Божественной литургии», «Выбранные места из переписки с друзьями». Общение Гоголя со старцем – не только важнейший факт его биографии, но и знак того общего поворота русской культуры в целом к православию, вере, духовным традициям, который постепенно начал происходить в середине XIX столетия.

Были среди посетителей и такие, которые, как вспоминают, «приходили к старцу из одного любопытства и во время беседы с ним более походили на явившихся поучать его самого, нежели желавших услышать от него что-либо полезное. Старец, посвятивший себя всецело на служение ближним и не желая никого оскорбить, их принимал, хотя по временам и жаловался своим близким ученикам, что такие посетители лишь отнимают у него дорогое время, ему не принадлежащее. "Батюшка! – заметили ему однажды по уходе такого господина, – он, кажется, более поучал вас?" – "Что ж, – ответил смиренный старец, – спасибо ему. Он лучше вас понял меня. Чему доброму можно научиться от меня, грешного? А он многое знает – все знает". Случалось, что кто-либо из таковых любопытников, не понимая, зачем посещали старца люди верующие, начинал оспаривать сказанное им в ответ совопроснику. Тогда, кроме редких и особых случаев (то есть если речь шла не о предметах веры), старец тотчас же прекращал или, вернее сказать, сокращал беседу, говоря: "Как знаете; вы, конечно, знаете это лучше меня, я человек неученый". И затем или вовсе умолкал, или продолжал беседу уже о каких-либо посторонних предметах, что он шутя называл, как в устной беседе, так и в письменной, – "трынь-брынь"».

Драгоценным сокровищем для всех, ищущих спасения, являются письма отца Макария духовным чадам. Вот как оценил их значение по выходе собрания писем к монашествующим игумен Антоний (Бочков): «Письма его могут быть названы часами, по которым и во утро, и в полдень, и нощию можно поверять жизнь всякому монаху и монахине, для которых они назначены. И юный, и зрелый, и старый может прибегать во всякое время к этому указателю, который сам шествовал неуклонно по пути Солнца правды. Глубочайшая осторожность в советах, с твердостью и простотою данных не на краткое время, но часто на многие годы, применение советов к возрасту вопрошавших, к их устройению, ко времени и их обстоятельствам, знание монашеской жизни и человеческого сердца – все это утаенное от мира сокровище мудрости и опытности так и бросается в глаза, приобывшие различать сияние настоящих дорогих камней от фальшивого блеска. В отце Макарии вовсе не видишь аскета-схоластика: редко выставляет он себя учителем, а только благим советником, который, однако ж, знает всю цену своих советов, внушенных многолетним опытом и проверенных не однажды на многих людях». Позже были изданы и письма старца к мирянам, так что каждый может найти в его наследии бесценный клад духовных советов. Помощью старца пользовалось огромное количество иноков и мирян.

Благодатные дары

Свидетельства проявления благодатных даров старца – прозорливости, исцеления от недугов, духовной рассудительности – неисчислимы. Приведем лишь несколько примеров.

Исцеление бесноватого

Один из почитателей старца привез в Оптину своего друга, страдавшего душевной болезнью, причины которой никто не мог понять, а тем более с ней справиться. Поселившись с больным в гостинице, он послал за старцем, ничего не сообщая о товарище, приехавшем с ним. Когда старец шел по коридору, больной стал проявлять сильное беспокойство, говоря: «Макарий идет! Макарий идет!» Стоило старцу перешагнуть порог комнаты, как больной бросился на него с ругательствами и ударил по лицу. Отец Макарий тотчас, не дрогнув, подставил по евангельской заповеди другую щеку. Смирение старца поразило беса, который и являлся причиной болезни. Больной упал без чувств к ногам отца Макария, пролежал так долгое время в полном оцепенении, но поднялся уже совершенно здоровым. Он ничего не помнил о своем поступке, болезнь окончательно его оставила.

Рассказ монахини Алевтины

«Моя родная сестра, Мария Павловна Полунина, страдала припадками беснования. Мать наша приехала с ней в монастырь, и мы с матерью повели ее в Оптину пустынь. Еще перед тем в нашей церкви она сильно беспокоилась, а дорогой все бранила меня, что у меня рука проклятая, на руке же у меня были надеты батюшкины четки. Когда мы пришли в Оптину, то сели дожидаться батюшку на дорожке около скита. Вдруг сестра закричала: "Вон идет седой!" – и забилась. Действительно, из скита вышел батюшка, подошел к нам и каким-то пояском опоясал больную. Она перегнулась назад, как бы переломилась, и как будто оцепенела. Потом, как оправилась, батюшка послал нас на могилку батюшки отца Леонида. Он всегда прикрывал чем-нибудь свои исцеления. Там мы помолились и взяли песочку с его могилки. Сестра успокоилась. На другой день была у обедни. Батюшка давал ей антидор; и она принимала спокойно. После того прежних припадков с нею уже никогда не было».

Ответ на письмо

Когда известный писатель Иван Васильевич Киреевский первый раз исповедовался у старца, это произвело на него очень сильное впечатление. После этого он написал отцу Макарию письмо, где было много важных духовных вопросов. Своей жене Киреевский при этом сказал: «Сознаюсь, что ему трудно будет отвечать мне». Каково же было его удивление, когда меньше чем через час ему принесли письмо старца, содержащее пространные ответы на все вопросы, заданные в письме, которого отец Макарий в тот момент еще никак не мог получить. Это событие потрясло Киреевского, убедившегося в благодатности старца.

Из писем старца

Лучшую оценку писем старца Макария дал святитель Феофан Затворник после знакомства с их изданием: «Пишете, что вы читаете все письма оптинского старца Макария. Благословенные книжки его! Глубокий веет от них дух смирения и навеивает его на всякого читающего. Перечитывайте чаще. Не мешает выписки делать, чтоб в случае нужды подогреть дух смирения, из всех духов самонужнейший». В письмах старца находим и отклик на злободневные вопросы общественной жизни, к которым старец не был равнодушен, всем сердцем болея за судьбу России. Вот несколько фрагментов его писем:

«Чувственность помрачает ум наш. Все наше попечение и помышление о том, чтобы доставить покой телу; а о душе мало радим – страстей не искореняем, и даже не противимся им; и от того лишаемся мира и покоя душевного».

«Самая печаль об умерших, озаренная светом истинного разума, истаявает, а на месте оной зачинает прозябать благое упование, утешающее и веселящее душу. Фанатизм стесняет образ мыслей человека, – истинная вера дает ему свободу. Сия свобода обнаруживается твердостью человека при всех возможных счастливых и несчастных случаях... За все слава Премилосердному Богу, изливающему нам во всяком случае неизреченные блага; ибо источник благодати не может источать из себя никаких других волн, кроме благодатных, не понимая коих, человек часто ропщет на Всеблагое».

«Спрашиваешь, как очищать страсти? И что есть страсть? И как нужно засматривать почаще в глубину своего сердца? Какие же ты будешь очищать страсти, когда ты и не знаешь, что есть страсть? И как входить в глубину сердца своего? Это высокий вопрос! Страстей много есть в нас, но главных три: славолюбие, сластолюбие и сребролюбие; а от сих еще пять, о коих подробно пишут святые Кассиан и Нил Сорский, и как оным противиться. Еще у святого Исаака много писано о страстях и у прочих отцов. Как же ты хочешь входить в глубину сердца, когда оно завалено колодами, камнями, хворостом, сором, паутиною и пылью? Входить в глубину сердца – значит, пылинки чтобы не было. Ты прежде выбрось крупные вещи: колоды, камни, хворост, а потом сними паутину, и тогда будешь выметать и пыль».

«Ты упоминаешь, что не имеешь чистой молитвы, а парение помыслов. Цену дать нашей молитве есть не наше дело, а Испытующего сердца и утробы и Дающего молитву молящемуся. Молись, но смиренно; к чему и невольно понуждает нас парение помыслов. Понуждать себя надобно не к одной молитве, по слову святого Макария, но и ко всякой добродетели».

«"Многи скорби праведным, и многи раны грешному", – Святой Дух усты Давидовы глаголет. Кто же без скорби из нас? От нищего и до носящего диадиму не найдешь здесь совершенно мира и спокойствия. И все оное Господь посылает каждому в свое время и по мере потребности для него, чтобы здешним скорбным путем привести нас в Царствие Небесное. Скорбями очищаются грехи, предотвращаются (люди) от грехов, и испытывается вера наша. Кто ж похвалится не иметь греха? А потому мы и есмы должницы Богу. Люди же, нас оскорбляющие, не сами собою делают, а попусшением Божиим; и потому они суть орудие Божие...».

«Главное в исповеди – надобно иметь сердце сокрушенно и смиренно, которое Бог не уничижит. И ежедневно надобно иметь испытание самих себя и укорять себя; за содеянное нами приносить перед Богом покаяние – что и читаем в третьей молитве на сон грядущим».

«Изъясняете замечания ваши о нашем времени, находящемся в движении и волнении: чего-то ищут доброго и нового. Но как оно ищут? И где хотят найти? Цивилизация и прогресс! А на православную религию (веру) не обращают внимания. А на оной-то основывается все наше блаженство, и временное, и вечное. Умные, ученые, образованные люди хотят верить по-своему, а не как учит нас православная церковь. Учение Церкви непогрешимо, хотя в исполнителях оно и найдутся погрешающие. Но часть не есть целое; а насмешники над погрешающими обращают язык свой на всю Церковь; а в Церкви все наше благо и спасение. Таинства церковные суть проводники в Царство Небесное; служители оным и совершители – духовенство, на которое так нагло и ядовито нападают образованные умники и заражают немощных, а паче напояют сим ядом юношество».

«Сердце обливается кровию при рассуждении вашем о нашем любезном отечестве России, нашей матушке. Куда она мчится? Чего ищет? Чего ожидает? Просвещение возвышается, но мнимое. Оно обманывает себя в своей надежде. Юное поколение питается не млеком учения Святой нашей православной Церкви, а каким-то иноземным мутным, ядовитым заражается духом. И долго ли это продолжится? Конечно, в судьбах Промысла Божия написано то, чему должно быть, но от нас сокрыто, по неизреченной Его премудрости. А, кажется, настает то время, по предсказанию отеческому: "Спасаяй да спасет свою душу!"».

Свидетельство святости

Благодатные дары старца были очевидны. Как ни старался он незаметно для окружающих совершать свои благодеяния, скрыть их было невозможно, слава отца Макария распространялась и росла с каждым годом. Но еще при жизни старца некоторым из его духовных чад Господь открывал степень его внутреннего совершенства. Вот рассказ монахини Севского монастыря матушки Макарии (Домогацкой): «Это было еще при жизни батюшки Макария. В июне или июле 1860 года нашего (Севского) монастыря послушница Елисавета вместе с другими двумя монахинями приехала в Оптину к батюшке отцу Макарию. Все они, по обычаю, поместились в монастырской гостинице, определенной собственно для приезжих монахинь. Нелишне заметить здесь, что послушница Елисавета в особенности замечательна была простотою нрава и множеством понесенных ею скорбей по причине бедности после мирской жизни в довольстве. Из окон келлий остановившихся в них монахинь был вид на гостинный двор и на дорожку, пролегавшую через лес из скита на гостиницу. В один день, около восьми часов утра, сидела Елисавета в одной из этих келий и смотрела в окно на скитскую дорожку и вдруг услышала доносившиеся оттуда звуки удивительно приятного пения. Смотрит: идет старец Макарий и по сторонам его двенадцать мужей, которые одеты были в белые одежды, а сверху имели схимы. На головах у них были схимнические куколи, также белые и блестящие. Какое-то странное внутреннее чувство подсказало ей, что это были святые апостолы. Двое из них вели старца под руки, а некоторые шли впереди и несли подсвечники с возжженными свечами. Между тем простодушная послушница не придавала этому видению особенного значения. Ей вообразилось, что, вероятно, в Оптиной Пустыни установился обычай с такою торжественностью носить Святые Дары для приобщения больных; а в гостинице в то время была больная. Должно быть, Елисавета в самозабвении и не подумала о том, что видела святых апостолов. Старец действительно в конце ранней обедни приходил из скита на гостиницу; но только, кроме Елисаветы, никто не видал сопровождавших его мужей. Когда же послушница эта пошла в церковь к поздней обедне, она случайно встретила на гостинном дворе возвращавшегося в скит старца. Приняв от него по обычаю благословение, она пошла с ним по одной дорожке; а другие, сопровождавшие старца, шли сзади их. Прошедши несколько шагов, старец, обратившись к ней, спросил: "А кого ты, Лиза, ныне видела?" Послушница и вообразить не могла, чтобы старец знал о виденном ею; но, опомнившись и все еще хорошо не понимая смысл старцева вопроса, ответила: "Я видела, батюшка, апостолов" – "А кого они вели?" – продолжал старец спрашивать с улыбкой. Пораженная такой нечаянностью и открытием ее тайны – так как до сего времени никто об этом не знал, – Елисавета вскрикнула: "Ах, батюшка, да ведь вели-то они вас!" При этом старец строго запретил ей открывать это кому бы то ни было до самой его кончины"».

Книгоиздательская деятельность

Отец Макарий посвятил много лет подготовке к печати переводов святоотеческих творений, сделанных еще старцем Паисием Величковским, но изданных лишь частично, а в России практически недоступных для читателей.

В Оптиной Пустыни со временем оказалось целое собрание переводов и собственных трудов старца Паисия. В келейной библиотеке старца Макария хранились рукописные переводы писаний преподобных Иоанна Лествичника, Макария Великого, святых Варсонофия и Иоанна, Максима Исповедника, Феодора Студита, Григория Синаита, Григория Паламы и других прославленных отцов Церкви, переданные ему еще старцем Афанасием (Захаровым). У старца Леонида также были рукописи переводов творений святых отцов, попавшие к нему от схимонаха Феодора, как и отец Афанасий, бывшего учеником старца Паисия. Со временем представилась возможность опубликовать их.

Недалеко от Оптиной Пустыни находилось село Долбино, старинная вотчина семейства Киреевских. Иван Васильевич Киреевский, замечательный русский философ, писатель, публицист был преданным духовным чадом старца Макария. У его жены Наталии

Петровны также хранились рукописи переводов старца Паисия, попавшие к ней от ее почившего духовника, московского старца Филарета Новоспасского. В 1845 году И.В. Киреевский, издававший тогда журнал «Москвитянин», предложил отцу Макарию поместить там какую-либо статью духовного содержания. Старец принял это предложение с благодарностью и ответил, что он хотел бы поместить жизнеописание старца Паисия (Величковского). Статья была напечатана в 12-м номере «Москвитянина» за 1845 год. Так было положено начало изданию духовных сокровищ Оптиной Пустыни.

В следующем, 1846 году, в бытность свою в гостях у Киреевских в их имении, старец коснулся вопроса о недостатке духовных книг и при этом упомянул, что у него есть много рукописей переводов творений святых отцов. Наталия Петровна сообщила, что и у нее хранится несколько таких рукописей. Тогда сама собой возникла идея издать эти духовные сокровища. Старец со свойственным ему смирением заметил, что он считает себя неспособным заняться таким важным делом. Киреевские сказали, что они доложат обо всем владыке Филарету, митрополиту Московскому, и если он благословит, нужно будет приступить к работе. Они через знакомых обратились к владыке, который не только дал свое благословение на это дело, но и обещал оказать всяческую поддержку.

В Оптиной закипела работа. Рукописи были переписаны набело, отосланы на цензуру в Московскую Духовную академию, и в начале 1847 года вышла в свет книга под заглавием «Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского».

Так было положено начало благому делу, продолжавшемуся до самой кончины отца Макария, в течение 15 лет, при горячем содействии Киреевских и под высоким покровительством митрополита Филарета Московского. Всей работой руководил непосредственно сам старец, а помогали ему его ученики из скитской братии: иеромонах Амвросий (будущий старец), монахи Ювеналий (Половцев), Леонид (Кавелин) и Платон (Покровский, тот самый давний друг отца Амвросия, тогда уже – монах Оптиной пустыни).

Для занятий с рукописями все ежедневно собирались в кельи старца Макария, который, не прекращая своей обычной деятельности по окормлению братии и посетителей, принимал самое непосредственное участие в трудах своих учеников. Ни одно слово не было вписано в отсылаемую в цензуру рукопись без его личного утверждения. По воспоминаниям, старец в этой работе забывал себя, часто жертвуя даже краткими минутами отдыха. Он прекрасно понимал, насколько ответственно начатое дело, ведь содержание рукописей относилось к устройению духовной жизни, спасению души, необходимо было точно передать или прокомментировать каждый оттенок мысли, выражения, встречающиеся в писаниях великих подвижников.

Для учеников старца это был драгоценнейший опыт! Они погружались в мысли и изречения святых отцов, наставников иноков, и при этом имели возможность постоянно слышать замечания старца о самых важных вопросах, касающихся монашеского делания, молитвы, подвижничества. Все они вспоминали, с какой снисходительностью выслушивал старец их детские замечания, делал уступки их желанию изысканнее выразить мысль там, где не видел нарушения духовного смысла, сопровождая это добродушной шуткой: «Пусть будет так, я новейшей литературы не знаю, а ведь вы народ ученый!» Если возникало разногласие в понимании, старец немедленно устранял его, или предлагал свое мнение, или оставлял такое место без пояснения, говоря: «Это не нашей меры, кто будет делать, тот поймет, а то – как бы не поставить наше гнилое вместо его (т. е. старца Паисия) высокого духовного понимания». Одна за другой в течение 1850-х годов выходили книги, содержащие творения святых отцов, – это было бесценное приношение Оптиной Пустыни русскому боголюбивому читателю.

«Блаженны умирающие о Господе»

Со временем здоровье старца стало слабеть. Он давно уже сетовал на отсутствие уединения, необходимого для молитвы, пребывания с Господом: «Молва, молва, – писал он к родственникам, – и ежедневная молва. Когда опомнюсь? Когда избавлюсь от помрачения

и войду в себя? Не знаю. Пожалейте меня и помолитесь, чтобы я избавился от обольщения и себя, и других. Только и знаю, что толкусь да молвлю, и всякий день на гостиную сколько раз схожу; и не видно исходу. Одни уезжают, а другие наезжают; а я, грешный, везде поспел. Горе, да и только! Душа гладна без пищи; читать времени мало; да и то, какое чтение в смятении? Ну, что делать? Надо потерпеть; а кто знает, когда позовут в вечность? Лета, слабость, все сближает к тому; а я нерадею. Господи, помилуй и спаси по неизреченному милосердию Твоему!» В 1858 году старец принял схиму.

Летом 1860 года, накануне своей предсмертной болезни, отец Макарий был бодр, даже предпринял поездку в Калужский Лаврентьев монастырь, но это была его последняя поездка.

Кончину свою старец предчувствовал заранее, о чем даже сказал одной из своих духовных чад. В конце августа он серьезно заболел. Старец начал прощаться с братией. У него побывал настоятель монастыря отец Моисей, выйдя от старца со слезами, сказал: «Видно, за грехи мои Бог наказывает меня, отнимая у обители опытного старца, а у меня духовного друга и мудрого советника». С середины сентября здоровье старца стало ухудшаться с каждым днем.

Сохранилось описание последнего дня его жизни – 7/20 сентября 1860 года: «День предпразднства Рождества Божией Матери, к Которой старец, как и все православные подвижники, питал глубокую сердечную веру, выражая ее постоянно призыванием всесвятого Ее имени, чествованием богородичных праздников, келейными всенощными бдениями в честь некоторых икон Пресвятой Богородицы и, наконец, неопустительным чрез всю 50-летнюю иноческую жизнь чтением в честь Ее ежедневных канонов и в положенные дни – акафиста. В шесть часов утра в последний раз старец удостоился приобщиться Святых Таин – Тела и Крови Христовых, которые в этот раз принял уже от телесного изнеможения лежа, но в полной памяти и с глубоким чувством умиления. После причащения произнес он троекратно с возданием рук горе: "Слава Тебе, Боже наш! Слава Тебе, Боже наш! Слава Тебе, Боже наш!" И это были последние его слова. Почти через час после сего, при окончании чтения канона на разлучение души от тела, на 9-ой песни оного, старец предал свою праведную душу в руке Божии, окруженный сонмом своих близких учеников и других преданных ему особ, проводивших при нем бессонные ночи при неиссякаемых источниках слез. Кончина старца была мирна и тиха, проста и вместе величественна, как и вся жизнь его, угасшая, словно вечерняя заря светлого дня, оставив в сердцах преданных ему глубокую ночь печали».

Вся обитель погрузилась в глубокую скорбь, епископ Калужский Григорий, узнав об этом печальном событии, писал: «Жизнь и кончина преставленного дают отрадное упование, что по имени его и жребий его новый блажен. "Ибо блаженны мертвии, умирающие о Господе" (Апок.14,13). А за сим должно надеяться, что и попечение его об обители не совсем прекратилось; только бы насельники оной не уклонялись от пути, по которому шествовал он и старался вести послушных ему».

В день кончины гроб с телом почившего старца был перенесен из скита в монастырь, наступили дни прощания с любимым старцем, собравшие множество его духовных чад и почитателей. Отпевание и погребение старца состоялись 10 сентября. Прощание длилось очень долго – каждому хотелось последний раз поклониться батюшке. Похоронили его напротив алтаря Никольского придела, неподалеку от могилы его наставника и старца отца Леонида.

Архимандрит Леонид (Кавелин) писал после кончины старца Макария: «Это был человек, воистину на благо рожденный. Он был нелицемерным и постоянным послушником и настоятеля, и всей братии, и всякого просящего у него помощи, соучастия и содействия. И болезнь его, конечно, была следствием его неусыпных трудов для ближних; а пылкая его душа, кажется, стремилась вон из тела на всякий призыв его детей – ко всякому скорбящему. Душевный слух его сторожил каждое слово, касавшееся Святой Церкви и Отечества, горячо им любимого. Его радовало все, что прославляло Господа, и с детским

веселием он спешил возвещать всем о чудесах милости Божией. Он готов был передать всем свою теплую веру, что Господь жив, что не престал действовать к нашему спасению».

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-makarij-optinskij>

Святые Казахстанской земли

Житие священномученика Евгения (Зернова), митрополита Нижегородского, и с ним священномученика Стефана Крейдича, пресвитера, преподобномучеников игумена Евгения (Выжвы), игумена Николая (Ащепьева) и иеромонаха Пахомия (Ионова)

Дни памяти

8 февраля (переходящая) - Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской

23 августа - Собор новомучеников и исповедников Соловецких

13 сентября (переходящая) - Собор Нижегородских святых

20 сентября 21 октября - Собор Вятских святых

18 ноября - Память Отцов Поместного Собора Церкви Русской 1917–1918 гг.

10 декабря - Собор новомучеников и исповедников Радонежских

Сщмч. Евгений (Зернов), митрополит Нижегородский, родился в 1877 году в семье диакона. Приняв монашество, он стал выдающимся проповедником и педагогом, ректором Иркутской семинарии. В 1913 году хиротонисан во епископа. Неоднократно арестовывался за веру, был узником Соловецкого лагеря. Прошел ссылки, сохраняя верность Церкви. В 1937 году был расстрелян в Карагандинском лагере. Причислен к лику святых в 2000 году.

Священномученик Евгений (в миру Семён Алексеевич Зернов) родился 18 января 1877 года в Москве в семье диакона. Окончил Заиконоспасское Духовное училище и в 1897 году — Московскую Духовную семинарию. В 1898 году поступил в Московскую Духовную академию. Во время учёбы 8 марта 1900 года принял монашество с именем Евгений. 5 апреля того же года рукоположен во диакона, 25 марта 1902 года — во иерея. Окончил МДА кандидатом богословия и 12 августа 1902 года был определён преподавателем сектоведения в Черниговскую Духовную семинарию. Читал лекции по обличительному богословию, истории русского раскола и местных сект. За доклад «О состоянии раскола и сектантства в Черниговской епархии» 12 ноября 1902 года удостоен благодарности епархиального начальства. Отец Евгений был активным членом совета братства во имя св. князя Михаила Черниговского. Заведовал библиотекой-читальней, был организатором религиозно-

нравственных чтений для народа в здании братства. 4 августа 1904 года назначен инспектором Черниговской Духовной семинарии.

С 15 марта 1906 года отец Евгений — ректор Иркутской Духовной семинарии. 25 марта Черниговским епископом Антонием (Соколовым) в Сретенском храме черниговского Троицкого монастыря возведён в сан архимандрита. Ректор Евгений (Зернов) сумел успокоить жизнь семинаристов, в крайнем раздражении выступавших против начальства Духовной семинарии, и привести учебно-воспитательный процесс в порядок, действуя без применения репрессивных мер. Он являлся внимательным и тактичным руководителем и одним из лучших преподавателей семинарии, заслужил любовь и уважение как студентов и преподавателей семинарии, так и духовенства и всей паствы Иркутска. Архимандрит Евгений имел замечательный дар проповедника, проводимые им по воскресным дням в семинарской церкви внебогослужебные собеседования посещали помимо учеников семинарии и иркутская интеллигенция, и простой народ. Отец ректор являлся председателем епархиального училищного совета, редактором «Иркутских Епархиальных ведомостей», членом миссионерского комитета, братства во имя свт. Иннокентия, Российского географического общества. 18 марта 1909 года участвовал в комиссии по освидетельствованию останков святителя Софрония (Кристалева). В 1910 году сделал на Иркутском миссионерском съезде доклад «О постановке миссионерских предметов в духовных семинариях», все положения которого были единогласно приняты. В 1908 году награждён орденом св. Анны 2-й степени.

20 января 1913 года архимандрит Евгений хиротонисан во епископа Киренского и назначен викарием Иркутской епархии. Хиротонию в кафедральном соборе Иркутска возглавил Иркутский и Верхотенский архиепископ Серафим (Мещеряков). 1 июля 1914 года владыка Евгений становится епископом Приамурским и Благовещенским. 18 сентября, уже после начала первой мировой войны он прибыл в Благовещенск. Первым шагом нового архипастыря стало «Обращение к пастырям и пасомым Благовещенской епархии», в котором архиерей предложил образовать в каждом приходе попечительские советы, которые будут заботиться о семьях лиц, находящихся на фронте; установить во всех церквях особые кружки для сбора пожертвований на Красный Крест; ежемесячно отчислять на нужды войны 2% от церковных доходов и сделать единовременное отчисление 2% от церковных капиталов.

Епископ Евгений участвовал в Поместном Соборе Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. В феврале 1918 года был уже в Благовещенске, сообщал в письме Патриарху св. Тихону (Белавину) о том, что приход к власти в городе большевиков сопровождался захватом и разграблением красногвардейцами Благовещенской Духовной семинарии и семинарской церкви, где были сорваны и разбиты иконы, арестами преподавателей семинарии. В связи с тем, что здания духовного училища и семинарии были заняты красноармейскими отрядами, епископ Евгений организовал учёбу оставшихся в Благовещенске учеников в помещениях женского епархиального училища.

В 1919 году владыка перешёл в церковное подчинение организованному в Омске Высшему временному церковному управлению Сибири, признав за ним часть канонических прав в условиях прекращения связи с Московской Патриархией. В ноябре 1919 года он отдал распоряжение о сборе в церквях пожертвований в пользу жителей казачьих станиц, лишившихся имущества из-за нападений красных партизан. Также по распоряжению епископа Евгения в епархии были собраны сведения о священнослужителях, пострадавших в 1919 году за веру от рук партизан, и в феврале 1920 года составлен синодик с именами убиенных (10 иереев и чтец). Перечисленных в нём мучеников указывалось поминать за богослужениями (на общих панихидах, на проскомидиях, на заупокойных ектениях и на литургии).

В период существования формально независимой Дальневосточной республики (ДВР, 1920-1922) владыка продолжал деятельное устройство церковной жизни в епархии. В марте 1921 года в Благовещенске было учреждено Иннокентиевское общество трезвости при

Благовещенском соборе. Летом 1922 года были приняты меры по возрождению церковной жизни в низовьях Амура, находившихся под контролем японских войск, по организации там миссионерской и противосектантской работы, по достройке храма в Николаевске. Епископ Евгений состоял в переписке с управляющим Забайкальской епархией Селенгинским епископом Софронием (Старковым) и обсуждал с ним организацию на территории ДВР особого церковного органа, возглавляемого епископом Евгением, а также создание при каждой из дальневосточных епархий по одному «полусамостоятельному» викариатству. Владыка поддерживал среди клира и прихожан верность Патриарху Тихону, находившемуся тогда под следствием. 25 августа 1922 года по распоряжению епископа Евгения в храмах Благовещенска были совершены праздничные всенощные бдения, а 26 августа — в день тезоименитства святителя Тихона — литургии и молебны о здравии и спасении Святейшего Патриарха.

С упразднением в конце 1922 года ДВР и окончательным установлением на Дальнем Востоке советской власти положение Церкви резко ухудшилось. При поддержке властей активизировалось обновленчество. В марте 1923 года обновленческим Высшим церковным управлением был уволен на покой и выслан из Владивостока не признавший ВЦУ управляющий Владивостокской епархией епископ Павел (Введенский). Епархиальный совет перешёл под контроль обновленцев. По просьбе владивостокского клира епископ Евгений (Зернов) взял на себя временное управление Владивостокской епархией. Канонический епархиальный совет по его благословению был воссоздан 18 июля в городе Никольске (ныне Уссурийск).

Особое недовольство властей вызывали продолжавшиеся в храмах моления за Патриарха Тихона и поминовение его имени за богослужениями. В ответ на требования начальника Амурского губотдела ГПУ о прекращении поминовения Патриарха как привлечённого к гражданскому суду и находящегося под стражей 11 мая 1923 года пастырское совещание градо-благовещенских церквей выразило епископу Евгению (Зернову) пожелание моления о Патриархе Тихоне «во избежание каких-либо провокационных обвинений... временно прекратить». На совещании также было принято решение считать обновленческий «второй поместный собор» неканоничным и его постановления необязательными. 9 июля 1923 года в связи с освобождением Патриарха из-под ареста и его вступлением вновь в управление Церковью Владыка издал распоряжение об обязательном поминовении во время богослужения имени Патриарха Тихона.

В августе 1923 года, после прибытия в Благовещенск обновленческого «епископа» Даниила Громоуленко, в городской газете появилась заметка об увольнении епископа Евгения (Зернова) на покой решением обновленческого Высшего церковного управления. В ответ епископ составил письмо епархиальному совету, в котором заявил, что «распоряжения ВЦУ для меня никакого канонического значения не имеют, ибо я к „Живой Церкви“ не принадлежу и ВЦУ, как самочинную организацию, пытающуюся захватить в свои руки церковную власть, не признаю... Святейший Патриарх Тихон с момента освобождения Советской Властью является единственным каноническим законным управителем Церкви Российской, власти которого я по долгу пастырскому подчиняюсь и призываю к этому подчинению вверенную моему духовному водительству Благовещенскую паству и пастырей».

13 августа епископ Евгений (Зернов) был вызван на допрос в Амурский губотдел ГПУ, где сообщил, что возгласение за богослужением имени Предстоятеля Церкви происходит согласно церковным канонам и не представляет «какие-либо политические тенденции». В тот же день губотделом ГПУ было начато следствие по факту «использования религиозных предрассудков и малокультурности части населения в целях оказания хотя бы пассивного сопротивления распоряжениям власти путём публичного моления о бывшем патриархе». Одновременно владыка был привлечён к суду за якобы нарушение им трудовых прав служащих архиерейской дачи.

В ночь с 29 на 30 августа, сразу после всенощной службы в Благовещенском кафедральном соборе, епископ Евгений был арестован. Арест архиерея вызвал выступления прихожан. 30 августа они собрались около здания ОГПУ, 2 сентября — у здания губернского суда, требуя встречи с губернским прокурором. Людей разогнали, поливая водой из пожарной машины, в городе были проведены новые аресты. Несколько арестованных иереев проходили впоследствии по делу епископа Евгения. Прихожане продолжали оказывать ему поддержку. По улицам города ежедневно ездила повозка с надписью: «В тюрьму для епископа хлеб». Продуктов набиралось столько, что их хватало и для других арестантов. На допросе владыка отказался признать себя виновным в предъявленных ему обвинениях, в том числе отрицал «участие в укреплении власти правительства Колчака» во время гражданской войны. Взаимодействие с Высшим временным церковным управлением Сибири, по словам епископа Евгения, не имело характера «контрреволюционной деятельности», а являлось «исполнением предписаний, касающихся жизни церковной». Следствие пришло к выводу о недостаточности и неубедительности собранных против епископа Евгения обвинительных материалов, однако освобождение архиерея было признано «совершенно недопустимым для охранения власти и революционного порядка». В октябре 1923 года владыка был этапирован в читинскую тюрьму, его дело рассматривалось в Постоянном представительстве ГПУ на Дальнем Востоке, с декабря — в ОГПУ в Москве.

30 ноября 1923 года, по некоторым данным, владыка был возведён в сан архиепископа. 22 февраля 1924 года Комиссией по административным высылкам НКВД архиепископ Евгений был приговорён к 3 годам заключения за «проведение под видом церковных дел мероприятий контрреволюционного характера, контрреволюционную агитацию и распространение религиозной литературы контрреволюционного характера». Отбывал срок исповедник в Соловецком лагере. Запомнился соузникам как строгий постник, который, невзирая на тяжёлые условия лагерной жизни, никогда не вкушал ни мяса, ни рыбы в постные дни. Был избран старшим соловецким архиереем. Принял активное участие в составлении «Памятной записки соловецких епископов» 1926 года.

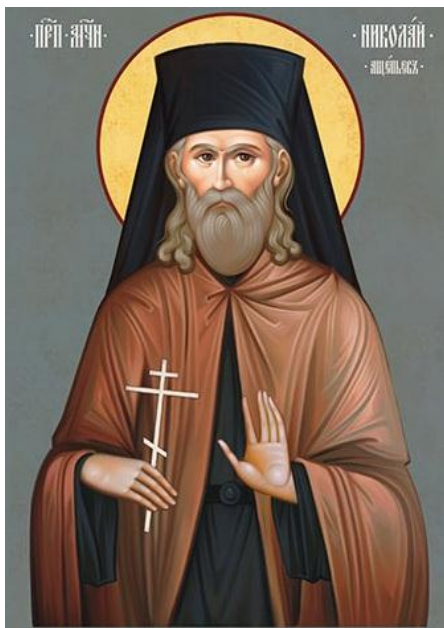
3 декабря 1926 года приговором особого совещания при Коллегии ОГПУ местом дальнейшего пребывания архиепископу Евгению была определена Коми (Зырян) Автономный округ, где он отбывал ссылку с мая 1927 года в Усть-Куломском уезде. Находясь в ссылке, по некоторым данным, с неодобрением встретил «Декларацию» 1927 года Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) и даже написал ему по этому поводу письмо, не дошедшее, впрочем, до адресата. Одновременно архиепископ Евгений решительно осудил противников митрополита Сергия, разорвавших с ним каноническое общение. В одном из посланий он писал: «...великий грех производит разделение и те, кто берёт на себя право отделения от митрополита Сергия — законного заместителя митрополита Петра; приносят большой вред и собственному спасению, и Церкви православной. Нет никаких канонических оснований к неподчинению митрополиту Сергию, действия которого не касаются православного вероучения и не нарушают благодатности таинств».

С октября 1929 года владыка проживал в городе Котельнич Нижегородского края. 13 августа 1930 года высокопреосвященный Евгений был назначен на Белгородскую кафедру, однако это назначение было отменено из-за отказа в регистрации местных властей. С 22 февраля 1931 года — архиепископ Котельнический, викарий Вятской епархии. В отсутствие правящего архиерея являлся управляющим епархией. 2 апреля награждён правом ношения креста на клобуке. В октябре 1932 года архиепископ Евгений участвовал в зимней сессии Священного Синода 1932/33 года. В феврале 1933 года утверждён архиепископом Вятским и Слободским. 16 мая 1934 года возведён в сан митрополита и переведён на Горьковскую кафедру. Богослужения митрополита Евгения отличались величием, покоем и благоговением. Он обладал притягательной силой духовной власти и пользовался огромным авторитетом среди прихожан. Митрополит Евгений производил на

всех впечатление своим величественным видом, высоким ростом, выразительными глазами. На Пасху 1935 года, пришедшуюся на 1 мая, митрополит не стал ждать, пока пройдёт демонстрация, а поехал после службы в Крестовоздвиженской церкви домой в архипастырском облачении. «Чего нам бояться? — сказал, по воспоминаниям, владыка в ответ на уговоры. — Надо Бога бояться».

3 мая митрополит Евгений (Зернов) был арестован. Проходил по делу вместе с 5 иереями. Его обвинили в том, что он «использовал в контрреволюционных целях церковный амвон, произнеся в ряде церквей города Горького и прилегающих районов проповеди антисоветского содержания». На допросах архиерей отверг эти обвинения, заявив, что все читаемые им проповеди были исключительно религиозно-нравственного содержания. 4 ноября 1935 года митрополит Евгений был приговорён особым совещанием НКВД к 3 годам концлагерей. Заключение отбывал в Казахстане, в Бидаикском отделении Карагандинского лагеря НКВД. Зимой занимался заготовкой льда, летом — прополкой сорняков. Потом был назначен учётчиком-статистиком в канцелярию отделения. 16 сентября 1937 года арестован в лагере. Митрополита обвинили «в контрреволюционной религиозной агитации монархического направления», в проведении нелегальных молений, в распространении акафистов и служении панихид по расстрелянным.

Священномученик Николай (в миру Максим Пименович Ащепьев)

родился в 1878 в селе Новониколаевка Елизаветинского уезда Херсонской губернии в крестьянской семье. Брат иеромонаха Рафаила (Ащепьева). С 1912 года — насельник Свято-Троицкого Селенгинского мужского монастыря Улан-Удэнской епархии, в котором был рукоположен во иеромонаха. Служил до закрытия монастыря в 1924 году. В 1924—1928 годах жил в монастырском скиту на озере Котокель. Возведён в сан игумена.

В начале 1929 года работал у крестьянина в селе Покровка, в том же году работал сторожем церкви на станции Архара Амурской области, затем переехал в Петропавловск-Камчатский.

7 сентября 1929 года был арестован в Петропавловске-Камчатском за «участие в контрреволюционной группировке». 23 декабря того же года приговорён к трём годам лагерей. Наказание отбывал в концлагере под Хабаровском. После освобождения с 1933 года проживал

в городе Бобринец Кировоградской области.

В июне 1934 года переехал в село Шурское Ростовского района Ярославской области, затем — в село Вексицы того же района.

18 мая 1935 года был арестован в Ростове по обвинению в «участии в контрреволюционной группировке». Проходил по групповому делу «дело игумена Николая (Ащепьева). Ростов, 1935 г.» 16 сентября 1935 года был вновь осуждён на три года лишения свободы. Был направлен в Бидаикское отделение Карлага НУВД, где работал на складе горючего.

В августе 1937 года был арестован в лагере по обвинению в «участии в к/р монархической церковной группировке, нелегальных молитвенных собраниях, служении панихиды по расстрелянным, клевете на конституцию СССР». Проходил по групповому делу «Дело митрополита Евгения (Зернова) и др., Караганда, 1937 г.» Из материалов обвинения: «Осуждённый за к/р деятельность на воле, являясь по своему социальному положению, так и идеологически религиозным фанатиком... не только не изменил своих убеждений, но и, находясь в заключении, продолжал свою антисоветскую деятельность,

проводя среди заключённых лагеря к/р религиозную агитацию и распространяя провокационные измышления, направленные на дискредитацию политики Советской власти и коммунистической партии». Виновным себя не признал.

Священномученик Евгений (в миру Евгений Игнатьевич Выжва)

родился 18 сентября 1883 года в городе Владимире-Волынском в крестьянской семье. Окончил двухклассное городское училище во Владимире-Волынском. С 1905 по 1907 год служил в армии псаломщиком. В 1908 году вступил в число братии Почаевской Успенской лавры, к 1917 году был игуменом. С 1918 года служил священником в Житомире, затем в местечке Кодня Трояновского района Киевской обл. (ныне Житомирского района и области).

11 ноября 1935 года арестован в Киеве, 26 февраля 1936 года приговорён Коллегией Киевского обл. суда к пяти годам «за связь с контрреволюционными организациями, находящимися за границей, и духовенством». Заключение отбывал Карагандинском лагере НКВД. Работал в лагере на «дальнем стане» на огородах вместе с митрополитом Евгением (Зерновым).

11 сентября 1937 года арестован в лагере по обвинению в «систематической а/с, к/р религиозной агитации монархического направления в группе во главе с Зерновым, провокационных измышлениях, направленных на дискредитацию политики Советской власти», проходил по делу митрополита Евгения (Зернова). Виновным себя не признал.

Из обвинительного заключения: «Собираясь в общежитии, кипятилке и т. д. з/к Зернов, Ионов, Выжва, Ащепьев и Крейдич под руководством Зернова проводили к/р религиозную пропаганду, устраивали тайные молитвенные собрания, распространяли молитвы к/р содержания, служили панихиды, в т. ч. как соболезнование по поводу расстрела Тухачевского, Уборевича и др. изменников родины».

Священномученик Пахомий (в миру Пётр Матвеевич Ионов)

января 1883 года в селе Троицком Каменского уезда Пензенской губернии в благочестивой крестьянской семье. Молитву и уединение он любил с детства. После окончания курса в сельском училище Пётр направился в Свято-Троицкий Сканов монастырь Пензенской епархии, и 16 ноября 1907 года был зачислен послушником. С 10 июля 1912 года, по благословению настоятеля монастыря, в течение двух месяцев он был в паломничестве в Киево-Печерской Лавре.

В 1913 году принял монашеский постриг с именем Пахомий. 6 июля того же года был рукоположен в сан иеродиакона и определён на послушание письмоводителя. Как отмечали все в обители, был он «качеств отлично хороших, весьма способен, честен, усерден и кроток». Вскоре (не позже 1917 года) последовала и священническая хиротония.

После официального закрытия монастыря в 1928 году иеромонах Пахомий жил в селе Троицком, где содержал пасеку. Когда через два года

пасека была конфискована, он принял на себя подвиг духовного окормления православных христиан в условиях гонений. С риском для жизни он проходил по селениям и совершал священническое служение.

В селе Пичуры близ Свято-Троицкого Сканова монастыря располагалось монастырское подворье. Здесь вокруг иеромонаха Пахомия собралась небольшая община. Богослужения совершались в приспособленной под церковь келии церковной старосты Февронии Ивановны Цибиркиной. К общине присоединились священник Ефрем Курдюков и вернувшийся из концлагеря бывший настоятель Сканова монастыря архимандрит Филарет (Игнашкин).

27 июня 1935 года отец Пахомий был арестован. С ним были арестованы и 12 подвижников нелегального монастыря: иеромонах Макарий (Камнев) из с. Вьюнки; монахиня Таисия (Проказова); монахиня Параскева (Шиндяпкина), Павел Кузьмич Аношкин, Василий Филиппович Мелешкин и Матфей Алексеевич Родчин из с.Н.-Пичуры; Никифор Григорьевич Беспалов, Алексей Евдокимович и Любовь Алексеевна Шароновы из с. Казенчик; келейницы о. Пахомия — Пелагия Ивановна Мещерякова и Мария Трофимовна Метальникова из с. Каменки; Иван Семёнович Шелконогов из с. Клиновка. До 21 сентября они содержались в Пензенской тюрьме, проходили по групповому делу «Дело иеромонаха Пахомия (Ионова) и др., Мордовская АССР, 1935 г.»

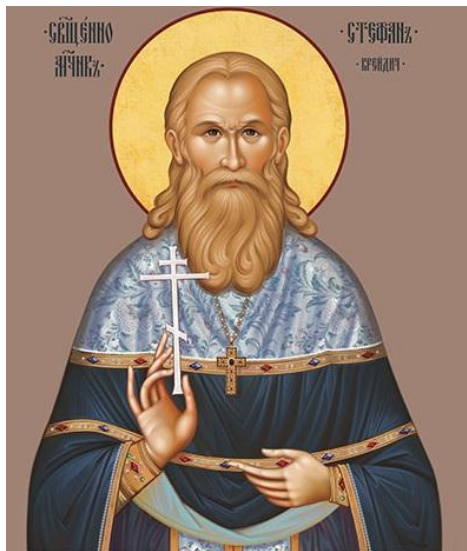
Иеромонах Пахомий обвинялся в том, что был якобы «враждебно настроен к существующему строю, проживая нелегально в селе Пичуры, создал контрреволюционную группу из церковного и монашеского актива, проводил нелегальные сборища, распространял контрреволюционную литературу — «Протоколы Сионских мудрецов» и проводил «антисоветскую и антиколхозную пропаганду», направленную «на ослабление существующего строя, колхозного строительства».

21 сентября 1935 года особым совещанием при НКВД СССР, по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР отец Пахомий был осуждён к пяти годам концлагерей. Направлен он был в Бидайское отделение Карлага НКВД.

20 сентября 1937 года был арестован в лагере, проходил по групповому делу «Дело митрополита Евгения (Зернова) и др., Караганда, 1937 г.». Из обвинительного заключения:

«Собираясь в общежитиях, кипятилке, сторожке горючего и на огороде з/к Зернов, Ионов, Выжва, Ащепьев и Крейдич под руководством Зернова проводили к/р религиозную, монархического толка, пропаганду, служили панихиды по поводу расстрела врагов народа Тухачевского, Уборевича и др., распространяли провокационные слухи о войне и гибели Советской власти».

Священномученик Стефан

Васильевич Крейдич родился в 1874 году в селе Вавуличи Бездежской волости Гродненской губернии в белорусской крестьянской семье. С 1914 по 1918 году служил в армии писарем в штабе военного округа в Смоленске.

С 1919 служил псаломщиком и певчим церковного хора в селе Рогово (Ропово) Брянской губернии, с 1923 года — в Смоленске, с 1929 года — вновь в Рогове.

В 1932 году был рукоположен в сан священника ко храму села Робчик Брянской области.

В 1936 году был арестован, обвинён в «агитации против вступления в колхозы, собирании детей в возрасте от 12 до 15 лет и внушения им религиозного дурмана, высказывании контрреволюционных повстанческих настроений». Спецколлегией Западного Облсуда был приговорён к семи годам заключения в

концентрационном лагере. Этапирован в Бидайкское отделение Карлага НКВД.

7 сентября 1937 года был арестован в лагере по групповому делу «Дело митрополита Евгения (Зернова) и др., Караганда, 1937 г.». Обвинялся в том, что «не только не изменил своих убеждений, но и находясь в заключении продолжал свою а/с деятельность, проводя среди заключённых лагеря религиозную агитацию и распространяя провокационные а/с измышления».

Из доноса: «В кипятилке заявлял: „Конституция ничего нового не даёт, это только слова“. З/к Крейдич, как ранее служивший в митрополичьем хоре, пел тропари на Троицу и панихиды по расстрелянным (в т.ч. по Тухачевскому и Уборевичу), распространял молитвы к/р содержания, переписывая их собственноручно».

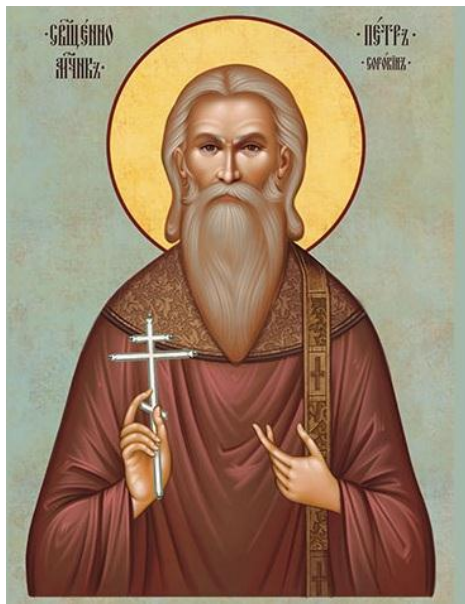
На допросе заявил: «Виновным себя не признаю, а что пел тропарь Троицы, считал, что имею право на то — не запрещено».

20 сентября митрополит Евгений (Зернов) вместе с другими заключёнными — игуменами Николаем (Ащепьевым), Евгением (Выжвой), иеромонахом Пахომием (Ионовым) и священником Стефаном Крейдичем — был приговорён Особой тройкой при УНКВД по Карагандинской области к расстрелу и в тот же день расстрелян вместе с ними.

Священномученики Евгений, Николай, Пахомий и Стефан прославлены в лике святых новомучеников и исповедников Российских Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 13-16 августа 2000 г.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-evgenij-zernov>

Петр Иванович Сорокин (1885 - 1953) – диакон, священномученик

Память 20 сентября (3 сентября по ст. ст.), в Соборе новомучеников и исповедников Российских.

Родился в 1885 году в деревне Дятловка Реутовского района Московской области в семье крестьян-середняков.

С 1896 по 1900 год обучался в Богородском городском училище.

В 1900-1906 годах работал конторщиком на Истоминской мануфактурной фабрике в Богородске, после чего, до 1910 года, нес действительную военную службу в лейбгвардии егерском полку. Был певцом в полковом хоре.

В 1910 году, после демобилизации, вернулся в родную деревню, а в конце того года поступил на службу в церковный хор в Москве при капелле Иванова. Одновременно учился постановке голоса у артистов Лабинского и Петрова и работал в Москве счетоводом.

В 1914 году был снова мобилизован и служил в 84-ом запасном батальоне писарем. Одновременно пел на концертах раненым. По демобилизации в 1917 году снова вернулся в Дятловку.

В 1918-1919 годах работал в восточной фронтовой концертной группе по обслуживанию действующей Красной Армии, под руководством Иосифа Александровича Донатова, в 1920-1924 годах - художественный руководитель и певец при Управлении Московского Совета. В 1924 году заболел испанкой, вследствие чего потерял голос и работу.

Был рукоположен в сан диакона в 1925 году в Звенигороде к местной Воскресенской церкви. В 1932 году был переведен в Звенигородский Преображенский храм, а с 1935 года служил в Люберцах. В том же году он познакомился с григорианским митрополитом Виссарионом (Зориным), попросил митрополита принять его на службу, и был принят в церковь Сорока мучеников. Вскоре он перешел служить в церковь на Даниловском кладбище, которая также была подчинена митрополиту Виссариону, а в марте 1936 года, по его же словам, ушел из штата этой церкви.

Вплоть до ареста 4 ноября 1937 года жил в деревне Темниково Реутовского района. После ареста диакон Петр содержался в предварительном заключении в Таганской пересыльной тюрьме. В ходе допросов подтвердил вину других обвиняемых по делу N 20867 (дело григорианского митрополита Виссариона (Зорина), себя же виновным не признал. Повод, по которому вел разговоры на политические темы объяснил так: "С целью, чтобы выяснить настроение остальных попов, с тем чтобы доложить об этом властям".

7 декабря того же года был приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывал в Бамлаге, Якутия (1938); Дальлаге, Владивосток (1938-1939); Мариинских исправительно – трудовых лагерей Сиблага, Сибирь (1939-1947). По освобождении приехал в город Александров, а вскоре переехал в Москву где обратился в Священный Синод с просьбой дать ему место диакона.

В 1948 году епископ Никон Донецкий направил его в Александро-Невский храм города Славянск Сталинской области. В том же году отец Петр отправился искать место служения поближе к месту рождения и, после нескольких переездов, нашел место в Богоявленском соборе города Вышний Волочек. До 23 июня 1949 года он служил диаконом, затем уволился за штат и пел в хоре.

14 октября 1949 года последовал второй арест отца Петра по обвинению в "антисоветской деятельности в составе антисоветской группы церковников". Обвинение он отрицал и свидетелей против него не нашлось, но 1 марта 1950 года он был осужден и сослан на поселение в Казахстан, в Акмолинск. Здесь он был певчим в Константино-Еленинской церкви до следующего ареста 4 октября 1951 года по обвинению "в проведении среди населения антисоветской агитации".

На требование следователя рассказать о своей преступной антисоветской деятельности диакон отец Петр Сорокин ответил:

"Проживая в Акмолинске, да и вообще, я никакой антисоветской деятельностью не занимался, и никто этого не докажет". В обвинительном заключении говорилось:

"...По поводу выборов в Советском Союзе Сорокин открыто говорил: "Что нам выбирать депутатов? Они и без нас уже выбраны. Нам остается только опустить бумагу в ящик и больше ничего". Говорил, что служителей духовенства безвинно сажают в тюрьмы. По поводу проповеди диакона, восхваляющего Сталина, говорил: "Раньше в церкви восхваляли Императора и воинство, а сейчас восхваляют Сталина. Это неправильно".

30 ноября 1951 года Акмолинский областной суд приговорил его к 10 годам лишения свободы и пяти годам поражения в правах. На судебном заседании в тот день диакон Петр Сорокин сказал:

"...В антисоветской агитации я совершенно виновным себя не признаю. Я виновен в склоке церковной. Прошедшие по делу свидетели наговаривают на меня. Завхоз церкви [свидетель] пропивает церковные вещи, поэтому я ходатайствовал о его увольнении и поэтому с тех пор он злится на меня, собрал шайку и подговорил их обмануть органы следствия. Да, я читал газету, как каждый грамотный человек, но не извращал ее содержания. Действительно, я говорил о тяжелом положении корейского народа, но ведь это не агитация, а правда. О войне между Советским Союзом и Америкой я не говорил".

От обжалования приговора отец Петр отказался и был заключен в Озерлаг Иркутской области. Здесь его и застала кончина 16 сентября 1953 года. Место его захоронения неизвестно.

Диакон Петр Сорокин был канонизирован как священномученик Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 13-16 августа 2000 года по представлению от Алма-Атинской епархии.

По материалам сайта: <https://mitropolia.kz/september/497-petr-sorokin.html>